

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031251
Битюцкой Дарьи Александровны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент Голева Н.М.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

Введение	3
Глава I. Понятие о фразеологии русского языка	10
I.1. Признаки фразеологизмов	10
I.2. Классификации фразеологизмов	13
I.2.1. Классификация фразеологизмов по степени слитности компонентов	13
I.2.2. Грамматическая классификация ФЕ	17
I.2.3. Источники появления фразеологизмов	19
I.2.4. Стилистическая классификация фразеологизмов	21
I.3. Лексико-семантические отношения в системе фразеологии	26
Глава II. Способы дефразеологизации в художественной литературе	33
II.1. Понятие о дефразеологизации	33
II.2. Классификация способов дефразеологизации	37
II.3. Структурные изменения фразеологизмов	43
II. 4 Семантические преобразования фразеологизмов	58
II. 5. Изучение фразеологизмов в школе	65
Заключение	69
Список литературы	72

ВВЕДЕНИЕ

Русский язык, как и родной язык любой страны с длительной культурной традицией, предоставляет говорящим богатейшие выразительные возможности, которые проявляются и на уровне стилистики. Фразеология и является собой богатейший источник стилистических ресурсов русского языка.

Внимание к фразеологическому богатству проявляется всё больше и больше у исследователей-лингвистов, а также у тех, кто просто любит и изучает словарное наследие родного языка, кто наслаждается звучащим словом, кто неравнодушен к слову вообще. Не оспариваются до сих пор слова известного датского языковеда Отто Есперсена, который назвал этот раздел языкознания «деспотически капризной и неуловимой вещью». Привлекает внимание тот факт, что в нашем языке имеются обороты, которые иногда заменяют слово, но всё же чаще представляют своеобразный лингвистический феномен, который характеризуется экспрессией, образностью, эмоциональностью, выразительностью; именно поэтому обращает на себя внимание.

Изучение фразеологии началось давно. Уже в XVIII веке фразеологические обороты, имея различные номинации, отражались в толковых словарях. М.В. Ломоносов, создавая словарь русского литературного языка, предлагал включать в него «российские пословия», «фразесы» и «идиоматизмы». Устойчивые выражения нашли отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. Фразеология как раздел языкознания имеет свой предмет – фразеологические единицы, их категориальные признаки, которые и позволяют сделать вывод о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также выявляются стилистические особенности фразеологизмов, закономерности функционирования их в речи.

Первые научные изыскания в изучении фразеологии отражаются в трудах таких учёных, как А.А. Потебня, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов и

Ф.Ф. Фортунатов. Однако ещё в 20-40-е годы прошлого столетия встал вопрос о детальном изучении устойчивых сочетаний слов, этот вопрос был поставлен в учебно-методической литературе в исследованиях Е.Д. Поливанова, СИ. Абакумова, Л.А. Булаховского. В работах нашли отражение наблюдения над семантическими и грамматическими характеристиками устойчивых сочетаний слов, выделялись такие признаки ФЕ, как устойчивость и воспроизводимость.

Традиционно считается, что фундаментальные фразеологические исследования начинаются с работ В.В. Виноградова. Учёный впервые осветил вопросы об основных понятиях фразеологии, ее объеме и задачах. В 50-е годы XX века академик в своих статьях дал классификацию фразеологизмов, подтвердил каждую группу богатым иллюстративным материалом.

Для достоверности своих теоретических положений В.В. Виноградов привлекал исторические материалы: были найдены более ранние формы ФЕ в источниках XVIII в. Это позволило учёному проследить трансформацию в семантике и структуре устойчивых конструкций на протяжении двух столетий. Полученные наблюдения позволили сделать вывод о том, что фразеологический материал является изменчивым, и подвели В.В. Виноградова к перестройке описательной фразеологии в историческую. Однако эти выводы не получили научного описания. Как отмечает Б.А. Ларин, «В.В. Виноградов дал яркие примеры важности и законности исторических справок и сопоставлений во фразеологии, но он не перешел от разрозненных наблюдений исторического порядка к перестройке всей системы классификации» [Ларин 2002: 126]. Понятно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических сочетаний могут быть выяснены только при историческом изучении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, идиом как русского, так и других языков. Именно поэтому в последние десятилетия прошлого века лексикографами были созданы этимологические фразеологические

словари. Так, в 1987 году появился словарь Н.М. Шанского в соавторстве с другими учеными, в котором нашли объяснение значения и происхождение более 1400 ФЕ русского языка. Это был первый солидный опыт такого рода издания в отечественной лексикографии. «Словарь русской фразеологии», созданный А.К. Бирих, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой, вышел в свет в 1999 году и насчитывает более 2500 тысяч русских образных оборотов.

Словарь представлял собой историко-этимологический справочник, в котором дается максимально полная информация о первоначальном образе каждого устойчивого выражения. Создатели словаря связывают происхождение ФЕ с различными реалиями русского быта, фактами истории, древними народными верованиями, обычаями и обрядами.

Таким образом, В.В. Виноградов увидел такой пласт лексики русского языка, как фразеологизмы, начал разработку проблем фразеологии, пробудил интерес к ФЕ у многих ученых. В кандидатской диссертации «Фразеология и ее функции в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Н.А. Семенов в ретроспективном обзоре развития фразеологии в XX в. обратил внимание на то, что в 50-е годы при изучении ФЕ главными вопросами были следующие: сходство и различие фразеологизмов со словом и сочетанием слов. выяснение критериев фразеологичности и уточнение классификаций фразеологизмов. С конца 50-х годов А.И. Смирницким, О.С. Ахмановой разрабатываются вопросы, которые связаны с описанием фразеологизмов как структурных единиц языка, то есть наметилась тенденция системного подхода к проблемам фразеологии.

Как особые структурно-семантические амальгамы слов, как хранители этнокультуры и как изобразительно-выразительные средства устного и письменного общения с середины XX века фразеологические обороты рассматривались в фундаментальных трудах Ш. Балли, В.В. Виноградова, А.М. Бабкина, В.П. Жукова, А.И. Молоткова, В.Л. Архангельского.

В 60-70-х годах XX в. также исследовалось употребление различных типов ФЕ в произведениях художественной литературы (часто в творчестве

какого-либо одного автора), процессы модификации устойчивых СС. Стоит отметить, что в таких работах отмечается разнородность терминологии, не было чёткой градации типов окказионального варьирования ФЕ. Основная ценность подобных наработок, безусловно, состоит в том, что они привлекли внимание к анализу типов дефразеологизации в языке художественной литературы как к одному из направлений изучения фразеологии. Научные изыскания Э.Б. Наумова, О.Г. Сальникова, М.А. Бакиной, В.П. Вомперского и др. открыли новое направление в комплексном анализе ФЕ, в русле которого и проводились в последующие годы многие исследования по фразеологии.

Фразеологи в наше время стараются найти новые, нетрадиционные аспекты при анализе ФЕ. Они обращают внимание, в первую очередь, на авторские трансформации фразеологизмов. Среди таких работ необходимо отметить кандидатские диссертации М.А. Фокиной (о стилистике фразеологии в организации идиостиля А.М. Ремизова), Н.А. Семеновой (о фразеологии в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») и Ю.В. Архангельской (о фразеологии в творчестве Л.Н. Толстого). В этих исследованиях авторы делают попытку определить роль ФЕ в создании семантически целостного художественного текста на основе многообразия их внутритекстовых связей между собой и с другими единицами текста. Итак, одним из путей исследования ФЕ является анализ текста художественного произведения и уяснение роли ФЕ в нем, что тесно связано с пониманием мировоззрения писателя как языковой личности.

Несмотря на всестороннюю изученность устойчивых сочетаний слов, на многоаспектность освещения этого средства, в последнее время появляются новые научные работы, что свидетельствует, как отметил Б.А. Ларин, о «скрытом развитии» анализируемого раздела лингвистики [Ларин 2002: 136]. В трудах современных учёных освещаются следующие вопросы: – какие выражения считать фразеологизмами, – как классифицировать и на

основании каких признаков фразеологический материал. Остановимся подробнее на перечисленных центральных проблемах во фразеологии.

Труды таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Кириллова, В.Н. Манакин, В.М. Мокиенко посвящены исследованию семантики, структуры и состава фразеологизмов, а также особенностей их функционирования в речи. В работах находят отражение также и новые аспекты осмысления фраземики с позиций когнитивной лингвистики. Описание дефразеологизированных оборотов рассматривается в работах В.П. Лебедева, Э.Б. Наумовой, О.Г. Сальниковой, М.А. Бакиной, В.П. Вомперского, отдельные стороны этого вопроса рассматривались в работах Абреимовой Г. Н., Жукова А. В., Поповой Л.В. и др. ученых.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью и важностью комплексного изучения вопросов фразеологии на современном этапе развития русской лингвистической науки, а также той ролью, которую выполняют фразеологические единицы в литературном произведении, в том числе и трансформированные идиомы. Бесспорен тот факт, что язык художественного произведения – это наиболее достоверный источник, позволяющий установить закономерности функционирования ФЕ в речи. Это объясняется, с одной стороны, тем, что язык художественной литературы представляет собой «образец литературного языка, на который равняются в отборе языковых средств и в речепотреблении, это критерий правильности речи, своего рода идеальная норма» [Лавринович 1999: 60]. С другой стороны, художественный текст – это та среда, где возникают новые ФЕ, в том числе и трансформированные, откуда поступают в речевой обиход неизвестные и малоупотребительные обороты, которые имеют обогащённую смысловую, структурно-грамматическую и стилистическую природу фразеологизмов.

Предметом настоящей работы являются трансформированные фразеологизмы, функционирующие в произведениях художественной литературы.

Целью исследования является выявление места, роли и приемов дефразеологизации как стилистического приёма в художественных произведениях.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучить теоретическую литературу по фразеологии.
2. Определить и проанализировать приемы дефразеологизации в художественных произведениях.
3. Описать особенности функционирования трансформированных ФЕ в произведениях художественной литературы.
4. Проанализировать случаи трансформации ФЕ в школьном курсе русского языка и литературы.

Методы исследования: метод лингвистического описания, предусматривающий непосредственное наблюдение над анализируемыми языковыми фактами с последующим обобщением полученных результатов. Для установления функций ФЕ, способов трансформации и роли трансформированных устойчивых словосочетаний мы применили метод стилистического и контекстуального анализа. Для определения фразеологического значения устойчивых оборотов проводился анализ словарных статей.

Практическая ценность дипломного сочинения состоит в том, что результаты научного исследования могут быть использованы в преподавании русского языка и литературы в школе, а также материалы дефразеологизированных конструкций понадобятся на занятиях в вузе при изучении стилистики русского языка, культуры речи и лингвистического анализа текста.

Структура работы: исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения и списка литературы. Во Введении анализируются теоретические постулаты этого выразительного средства в отечественном языкознании, обосновывается выбор темы и актуальность работы, а также

определяются цель, задачи и методы исследования. В первой главе рассматриваются точки зрения ученых на объект и границы фразеологии, дается определение ФЕ и выделяются ее семантические характеристики. Также представлены классификации фразеологических единиц по различным аспектам, теоретический материал иллюстрируется фразеологизмами из произведений художественной литературы. Во второй главе мы определяем способы трансформации фразеологизмов в языке художественной литературы. Фразеология анализируется с лексико-грамматической и семантико-стилистической точек зрения, проводится анализ индивидуально-авторских трансформаций ФЕ и определяется их роль. В Заключении подводятся итоги исследования. Список литературы включает 66 источников.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ О ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. Признаки фразеологизма

Предмет фразеологии определяется в результате изучения категориальных признаков фразеологизмов, которые способствуют выделению основных признаков фразеологичности и решению вопроса о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также выявляются закономерности их функционирования в речи и анализируются процессы их образования. Несмотря на имеющиеся исследования в определении предмета ФЕ, всё же и в настоящее время существуют неоднозначные точки зрения дефиниции фразеологизм, на объем фразеологии русского языка. При изучении классификаций фразеологизмов русского языка выявляется множество различных взглядов, часто противоположных друг другу, иногда взаимоисключающих одна другую. При этом отмечается неоднозначность научной терминологии, употребляемой для обозначения соответствующих понятий. Это доказывает нечёткость понимания задач, целей и самой сущности термина «фразеология», отсутствие единой классификации фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их смысловой слитности. Однако классической и распространенной (с уточнениями) всё же считается классификация В.В. Виноградова.

Анализируя различные подходы к изучению ФЕ, отметим два направления, которые выделились в современной лингвистике. Одно из них определяет фразеологизм как такую единицу, которая состоит из слов и, соответственно, трактует ФЕ как любое словосочетание. Так, например, авторы «Очерков о русской фразеологии» М.Н. Копыленко, З.Д. Попова акцентируют внимание на следующем: «Фразеология охватывает все сочетания лексем, существующие в данном языке, в том числе и так называемые «свободные» словосочетания» [Копыленко 2002: 81].

Второе направление объектом фразеологии признаёт только те разряды и группы словосочетаний, которые отличаются в речи от всех других особым своеобразием. Состав подобных единиц в языке определяется признаками, которые являются характерными для таких словосочетаний. Только устойчивые сочетания слов и могут быть названы фразеологизмами. Традиционно считают, что о фразеологии можно говорить:

а) в «широком» смысле слова – при таком подходе в состав фразеологии включают полностью переосмысленные словосочетания, а также словосочетания с не переосмысленными словами-компонентами. К такой точке зрения примыкают лингвисты В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, Н.М. Шанский.

б) в «узком» смысле слова – при таком подходе к фразеологизмам относят переосмысленные полностью словосочетания. К такому пониманию относятся исследования В.П. Жукова.

И в первом, и во втором случаях не ставится под сомнение словный характер фразеологизма, лексемный характер компонентов, его составляющих. Фразеологизм в любом случае рассматривается как контаминация признаков слова и словосочетания, обращается внимание на омонимичность фразеологизма и соотносимого с ним по структуре словосочетания.

Сторонники «узкого» понимания русской фразеологии считают, что фразеологизм – не является словосочетанием ни по форме, ни по содержанию, это такая единица языка, которая состоит не из слов, а представляет собой выражения, которые лишь генетическая суть словосочетания. «Они разложимы лишь этимологически, то есть вне системы современного языка, в историческом плане» [Ларин 2002: 202]. Эти выражения не являются омонимичными словосочетаниям, так как

качественно отличаются от них. При этом акцент ставится не на смысловую и формальную характеристику компонентов, образующих ФЕ, не на связи между компонентами, а всего фразеологизма (в целом), как единицы языка, которая имеет определённую форму, содержание и соответствующее употребление в речи в зависимости от ситуации общения. В вводной статье к «Фразеологическому словарю русского языка», в книге «Основы фразеологии русского языка» и других работах А.И. Молотков развивает основные положения этого направления. На наш взгляд, наиболее правомерной и оправданной является лингвистическая позиция Н.М. Шанского, обоснованная в книге «Фразеология современного русского языка». Эту точку зрения разделяют многие ученые (Ю.Н. Караулов, В.В. Лопатин, Т.М. Николаева, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова, Е.Н. Ширяев, Д.И. Шмелёв и др.). В энциклопедии «Русский язык» дается следующее определение фразеологизма: «Фразеологизм, фразеологическая единица, – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизма» [Поляков 1986: 132].

К основным признакам фразеологизма относятся: устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, раздельнооформленное строение. Устойчивость и воспроизводимость не являются тождественными понятиями, хотя относятся к понятиям соприкасающимся. Все языковые единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимы, но не все воспроизводимые образования наделены устойчивостью.

Воспроизводимость – это категория, которая предполагает регулярную повторяемость языковых единиц разной степени сложности.

Воспроизводятся паремии: *Любишь кататься – люби и саночки возить*; *Скучен день до вечера, коли делать нечего*; крылатые изречения: *А Васька слушает да ест*; составные термины и наименования: *Большая Медведица, серная кислота, ядерный реактор*; собственно фразеологизмы: *совать свой нос, собаку съел* и т.д.

Устойчивость – это мера, степень семантической слитности и неразложимости компонентов. Устойчивость является признаком идиоматичности. Так, фразеологизмы с целостным немотивированным значением типа *у черта на куличках* – «очень далеко» – характеризуются большей устойчивостью, чем фразеологизмы с целостным мотивированным значением типа *плюнуть негде* — «так много кого-л., что вовсе нет свободного места».

Целостное значение – это такое общее (единое) значение фразеологизма, которое трудно или невозможно вывести из значения отдельных компонентов. Целостное значения реализуется в полнм или частичном переосмыслении компонентов, вследствие чего они, как правило, расходятся в семантике с соответствующими лексемами несвязанного употребления.

1.2. Классификации фразеологизмов

1.2.1. Классификация фразеологизмов по степени слитности компонентов

В русском языке существуют классификации фразеологизмов, в основу которых положены разнообразные признаки. Самой известной и широко распространенной считается классификация В.В. Виноградова, в основу которой автор положил различную степень идиоматичности /немотивированности компонентов в составе ФЕ, структурно-семантическую слитность составляющих. В зависимости от этого учёный выделяет следующие типы фразеологизмов.

1. Фразеологические сращения – устойчивые сочетания, в которых имеется обобщенно-целостное значение, не опирающееся на значение составляющих их компонентов, т. е. значение не является мотивированным с точки зрения современного состояния лексем: *попасть впросак, бить баклуши, ничтоже сумняшеся, собаку съест, с бухты-барахты, из рук вон, как пить дать, была не была, куда ни шло*. Носители языка зачастую не знают (да и не задумываются над этим), что такое «просак» (такая номинация в старину обозначала название станка для плетения сетей), не всегда вспоминают этимологию слова *баклуши* (это деревянные чурки-заготовки для ложек; чтобы их изготовить, не надо было иметь особые навыки, дело было нетрудным), не задумываются над тем, что формы *ничтоже* (нисколько), *сумняшеся* (сомневаясь) являются устаревшими. При этом значение каждого фразеологизма понятно русскому человеку. Можем сделать вывод о том, что знание этимологии компонентов ФЕ помогает выяснить мотивированность семантики фразеологического сращения. Следует отметить и такие случаи, когда этимологию определить возможно не всегда, поэтому в среде лингвистов мнения расходятся о происхождении ФЕ. Семантической неразложимости оборотов, как мы уже отметили, способствуют устаревшие лексемы и грамматические формы: *сыр-бор разгорелся* (не сырой!).

Улетел я туда не с бухты-барахты (Выс., т.2, с. 87).

2. Фразеологические единства – это такая группа устойчивых сочетаний, в которых обобщенно-целостное значение в какой-то степени связано с семантикой составляющих их компонентов, употребленных в образном значении: *зайти в тупик, бить ключом, плыть по течению, брать в свои руки, прикусить язык*. Для фразеологизмов-единств характерно наличие омонимов-словосочетаний в прямом (неметафорическом) значении: *Туристам предстояло плыть по течению реки неделю. Мальчонка так закричал от боли, потому что прикусил язык, качаясь на качелях*. Фразеологические единства всегда воспринимаются метафорически, и это

отличает их от фразеологических сращений. Также фразеологизмы анализируемой группы выступают в качестве различных тропеических средств. Это могут быть: – фразеологизированные сравнения (*как банный лист, как баран на новые ворота, как на иголках, как корова языком слизала, как корове седло*);

– метафорические эпитеты (*луженая глотка, железная хватка, золотое сердце*),

– гиперболы (*золотые горы, море удовольствия, насколько хватает глаз*);

– литоты (*с маковое зернышко, хвататься за соломинку*).

Есть и фразеологические единства, которые представляют собой перифразы – такие описательные образные выражения, которые заменяют одно слово: *за тридевять земель* – далеко, *звезд с неба не хватает* – недалекий, *косая сажень в плечах* – могучий, сильный. Некоторые из них обязаны своей экспрессивностью каламбуру, шутке, положенным в их основу: *дырка от бублика, от жилетки рукава, сам не свой, без году неделя, зарезать без ножа*. Выразительность иных строится на дихотомии, представленной антонимами: *ни жив ни мертв, ни дать ни взять, ни богу свечка ни черту кочерга, более или менее*; на синонимической игре: *из огня да в полымя, ум за разум зашел, переливать из пустого в порожнее, вокруг да около*. Фразеологические единства придают речи особую иобразительность и народно-разговорную окраску.

Бросим на минувшее мы взгляды (Выс., т.2, с.92)

3. Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в которых просвечивается мотивация семантики компонентов ФЕ, один из компонентов (или оба компонента) при этом имеет фразеологически связанное значение: *потупить взор {голову}*. Лексема *потупить* «притягивает» к себе соматизм *голову* (или существует модификация этого устойчивого сочетания – *потупить взор*). Идиом с другими соматизмами – ногу, руку, туловище – в русском языке не существует. Также и лексема *потупить* (опустить) имеет

фразеологически связанное значение и с другими словами не сочетается. Эту группу фразеологизмов можно иллюстрировать и другими примерами: *щекотливый вопрос* {*ситуация, положение, обстоятельство*). Прилагательное *щекотливый* в значении «требующий большой осмотрительности, знания, такта», сочетается с ограниченным количеством слов, перечисленных в скобках. С другими словами он не сочетается. Нет таких выражений, как *щекотливое предложение, рассмотрение, решение*. Следовательно, для того, чтобы фразеологизм этой группы существовал, необходимо определённое словесное окружение. Мы говорим *бархатный сезон*, но не скажем «бархатное лето», «бархатная осень»; *повальная эпидемия*, но не «повальная заболеваемость» и т. д. Фразеологические сочетания, как мы уже отмечали, могут иметь модификации, то есть варьируются: *насупить брови – нахмурить брови; затронуть чувство гордости – задеть чувство гордости; одержать победу – одержать верх, потерпеть крах – потерпеть фиаско (поражение); страх берет – злость (зависть) берет, сгорать от нетерпения – сгорать от стыда* и т. д.

Я знаю, другие сведут с нами счеты (Выс., т.1, с.80)

Нередки случаи **контаминации** фразеологических сочетаний – новое выражение появляется путём объединения, наслаивания элементов двух выражений, чем-нибудь сходных. Например, неправильное выражение «играть значение» возникло как контаминация двух выражений *играть роль* и *иметь значение*; «предпринять меры» – «принять шаги» (вместо *принять меры – предпринять шаги*), «уделить значение» (из *уделить внимание – придавать значение*). Такие контаминированные обороты являются ошибочными, приводят к нарушению нормы, расцениваются как неправильная лексическая сочетаемость.

К этой классификации, вслед за Н.М. Шанским, относят и четвертую группу – фразеологические выражения, также являющиеся устойчивыми оборотами, однако их компоненты имеют свободное значение, т. е. отличаются семантической членимостью: *Счастливые часов не наблюдают*.

Быть или не быть. Свежо придание, а верится с трудом. Сюда относят крылатые выражения, паремии. Как правило, фразеологические выражения являются не словосочетаниями, а интонационно законченными конструкциями – предложениями.

Учёные-лингвисты в характеристике и определении этой группы достигли единства. Это объясняется, на наш взгляд, неоднородностью самих языковых единиц такого типа и их многообразием.

1.2.2. Грамматическая классификация ФЕ

Грамматическая классификация предполагает характеристику компонентов устойчивого сочетания по общеграмматическим частеречным признакам. В связи с этим выделяются такие группы ФЕ.

1. Группа, где обозначено грамматическое сходство компонентного состава фразеологизмов. Внутри группы выделим подгруппы:

1) прил. + сущ. в Им. п.: *краеугольный камень, заколдованный круг, лебединая песня;*

2) сущ. в Им. п. + сущ. в Род. п.: *точка зрения, камень преткновения, бразды правления, яблоко раздора;*

3) сущ. в Им. п. + предложное сочетание сущ. в косвенных падежах: *кровь с молоком, душа в душу, дело в шляпе;*

4) предложно-падежная форма сущ. + прил.: *на живую нитку, по старой памяти, на короткой ноге;*

5) гл.+ сущ. (с предлогом и без предлога): *окинуть взором, посеять сомнения, взять в руки, взяться за ум, водить за нос;*

6) гл. + нареч.: *попасть впросак, ходить босиком, видеть насквозь;*

7) дееприч. + сущ.: *спустя рукава, скрепя сердце, сломя голову.*

2. Группа, где усматривается соответствие синтаксических функций фразеологизмов и частей речи, которыми они могут быть замещены. Определим подгруппы этой группы фразеологизмов:

1) **фразеологизмы с главным компонентом-именем:** *краеугольный камень, лебединая песня*. Как правило, именем выступает существительное. В предложении они выполняют функции подлежащего, сказуемого, дополнения. Чаще сочетаются по типу согласования.

Дрались за золотую середину (Выс., т.2, с.71);

2) **фразеологизмы с главным компонентом глаголом:** *водить за нос, окинуть взором*. Синтаксическая функция – сказуемое. В сочетании с другими словами могут согласоваться, управлять и быть управляемыми.

Да и старые песни приелись

И навязли в зубах (Выс., т.1, с.33);

3) **адъективные фразеологизмы:** *косая сажень в плечах, себе на уме, кровь с молоком, на рыбьем меху*. Они имеют значение качественной характеристики и, подобно прилагательным, выступают в предложении в функции определения или именной части сказуемого.

- Чего же?.. Хвастаешься, что свободен от предрассудков, а мешок с костями развязать не можешь (боишься) (Н, С, Лесков).

4) **наречные или адverbиальные фразеологизмы:** *на живую нитку, спустя рукава, крепя сердце, с глазу на глаз*. Они, подобно наречиям, характеризуют качество действия и выполняют в предложении роль обстоятельств

Хватит на всех с лихвою (Выс., т.1, с. 35);

5) **ономатопеические фразеологизмы:** *ни пуха ни пера!; черта с два!; ни дна тебе ни покрывки!; в добрый час* \ Выступают как отдельные цельные синтаксические единицы – предложения. Выражают волеизъявление, чувства.

Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас

Ты царствовать начнешь...о боже, боже! (А. С. Пушкин).

Среди ФЕ можно выделить и другие группы. Если в основу классификации положить такие признаки, как звуковая организация, то это позволит объединить их в такие группы: 1) упорядоченные по своей фонике,

то есть фразеологизмы с выраженной ритмической организацией: *ни кола ни двора, тише воды ниже травы, ни бе ни ме ни кукареку*; с рифмующимися элементами: *Федот да не тот, гол как сокол*; со звуковыми повторами (ассонансами и аллитерациями): *шерочка с мошерочкой, держи язык за зубами, и так и сяк, то там, то тут*. [Виноградов 2002: 139].

2) нейтральные – не имеющие особой звуковой организации. К ним относится большинство ФЕ.

1.2.3. Источники появления фразеологизмов

Для полного понимания изучаемого пласта лексики необходимо знать, каковы же пути появления в нашем языке этих оборотов. Важным аспектом изучения ФЕ является классификация по источникам появления. В состав исконно русских входят фразеологизмы

- 1) общеславянские {*гол как сокол, ни рыба ни мясо, брать за живое*},
- 2) восточнославянские {*ни кола ни двора, при царе Горохе, подложить свинью*},
- 3) собственно русские {*с гулькин нос, всем миром, отложить в долгий ящик, во всю ивановскую, сматывать удочки, тянуть канитель*}.

Первая группа характеризуется тем, что ФЕ, входящие в её состав, имеют соответствия в других славянских языках, вторая группа устойчивых единиц языка имеет эквиваленты только в украинском и белорусском языках, а третья группа, соответственно, характерна только для русского языка.

Особую группу составляют фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка: *запретный плод, земля обетованная, исчадие ада, манна небесная, притча во языцех, хлеб насущный, в поте лица, кость от кости, глас вопиющего в пустыне, вавилонское столпотворение*. Источником их появления стали христианские книги (Библия, Евангелие), переведённые на старославянский язык.

Многие фразеологизмы пришли в русский язык из античной мифологии: *ахиллесова пята*, *гордиев узел*, *прокрустово ложе*, *дамоклов меч*, *авгиевы конюшни*, *драконовы законы*, *танталовы муки*, *между Сциллой и Харибдой*, *колесо фортуны*, *сады Семирамиды*, *ящик Пандоры*. Значительное количество таких фразеологизмов известно и в других языках, так что особо следует подчеркнуть интернациональный характер крылатых выражений, корнями уходящих в античность.

Особая группа – это фразеологизмы-варваризмы. Как и любые варваризмы, они представляют собой непереверждённые устойчивые обороты, пришедшие в русский язык из западноевропейских языков: *идея фикс* (фр. *idée fixe* – «навязчивая идея»), *alma mater* (об университете, где учился тот, кто использовал данный фразеологизм; буквально «кормящая мать»), *carte blanche* (из фр.; буквально «чистый бланк»; о свободе действий; употребляется обычно в сочетании с глаголом *дать* или *предоставить*, встречается и в передаче русскими буквами), *terra incognita* (из лат.; буквально «неизвестная земля»; о чем-либо неизвестном, неисследованном), *tabula rasa* (из лат.; буквально «чистая доска»; о том, что еще свободно от всяких влияний) и т.д. Фразеологическая калька представляет собой оборот, появившийся в русском языке в результате пословного перевода: *делать хорошую мину при плохой игре* – (фр. *bonne mine au mauvais jeu*), *иметь место* – (фр. *avoir lieu*), *лучше поздно, чем никогда* – (фр. *mieux vaut tard que jamais*), *борьба за существование* – (англ. *struggle for life*), *время – деньги* – (англ. *time is money*), *железный занавес* – (англ. *iron curtain*), *жизненный уровень* – (англ. *standart of life*), *холодная война* – (англ. *cold war*), *вот где собака зарыта* – (нем. *Da ist der Hund begraben*), *крылатые слова* – (нем. *geifugelte Worte*). [Мокиенко 1990: 249].

Многие бытовавшие в русской речи, в русских литературных текстах иноязычные фразеологизмы со временем были заменены фразеологическими кальками, часть превратилась в отдельные целостные слова: *beau monde* –

бомонд, comme il faut – комильфо, nota bene – нотабене, nature morte – натюрморт и т.д.

Мощным источником появления фразеологизмов является заимствование из европейских языков. Этот процесс характерен и для настоящего времени. К таким ФЕ относятся преимущественно ставшие крылатыми цитаты из всемирно известных художественных произведений: *Быть или не быть* (В. Шекспир); *Оставь надежду всяк сюда входящий* (А. Данте); *буря в стакане воды* (Ш. Монтескье), *принцесса на горошине* (Г.Х. Андерсен). В некоторых случаях крылатыми становятся слова, сказанные великими учеными, мыслителями: *А все-таки она вертится* (Г. Галилей); *Я знаю только то, что ничего не знаю* (Сократ); *Я мыслю, значит, существую* (Р. Декарт).

1.2.4. Стилистическая классификация фразеологизмов

Стилистика фразеологизмов резко отлична от лексемы. Большая часть слов является стилистически нейтральной, это не относится к фразеологизмам, потому что они служат основному своему предназначению – выражают различные оценки и отношение адресанта к тому, о чём он говорит. Нельзя составить большой текст, в который входили бы одни фразеологизмы. [Мокиенко 1990: 143]

В основе стилистического расслоения фразеологизмов находятся оценочно-эмоционально-экспрессивных особенности, которые приобретаются вследствие их употребления в специальных сферах и областях человеческого общения.

Стилистические и экспрессивные различия фразеологических оборотов объясняются тем, что каждый стиль языка характеризуется особыми языковыми средствами и приёмами, которыми пользуется говорящий. Сущность этих различий составляют закреплённость или предпочтительное

употребление какого-либо устойчивого сочетания слов в соответствующем стиле языка и связанные с этим его экспрессивные свойства.

Безусловно, солидная часть фразеологических оборотов в разной степени ограничена требованиями определенного стиля языка. Как известно, фразеологические обороты являются номинациями того или иного явления, процесса объективной действительности, и также указывают на положительное – отрицательное – нейтральное отношение говорящего к этому явлению/процессу (уничужение, неодобрение, ирония, похвала и т.д.); *как гусь обципаный* (ср. жалкий), *бить баклуши* (ср. бездельничать), *проглотить язык* (ср. молчать), *пустить слезу* (ср. заплакать), *как сыр в масле катается* (ср. живёт в достатке).

Как мы уже отмечали, фразеологические обороты вступают в синонимические отношения. Именно в синонимических рядах можно ярко и наглядно проследить различие ФЕ с экспрессивно-стилистической точки зрения: *сложить голову* (кн.) – *сломать себе шею* (разг.); *вводить в заблуждение* (кн.) – *водить за нос* (разг.). В приведённых примерах чётко указана стилистическая функция ФЕ.

В зависимости от сферы употребления и присущих эмоционально-экспрессивных особенностей фразеологизмы современного русского литературного языка дифференцируются на такие группы: межстилевые, разговорно-бытовые и книжные.

Данная классификация обусловлена тем, что устойчивые сочетания представляет собой явление историческое: в процессе развития нашей речи все больше фразеологизмов становятся межстилевыми, интенсивно возникают новые группы и модели среди разговорно-бытовых и книжных фразеологизмов, постоянно происходит экспрессивно-стилистическая переоценка отдельных фразеологизмов и т. д. [Ларин 2002: 46]

Разговорные фразеологизмы

Многие фразеологизмы функционируют в разговорной речи. И главная сфера применения таких фразеологизмов, безусловно, социально-бытовое общение, устная форма диалогической речи. Так, к разговорным фразеологизмам относятся: *болтать языком, бабушка надвое сказала, вилами на воде писано, в руках горит, до свадьбы заживет, зубы заговаривать, из рук вон, кусать локти, рвать на себе волосы, своим ушам не верить, стреляный воробей, тертый калач, тянуть канитель, язык без костей* и др.

Стилистически сниженный, иногда грубоватый оттенок имеют фразеологизмы с пометой простореч., то есть просторечного характера. Данный тип ФЕ образуется на основе метафорического переноса несвязных словосочетаний при таком же лексическом составе (*закидывать удочку, заткнуть за пояс кого-л.*). Они употребляются преимущественно в обиходно-бытовой речи: *лезть в бутылку, лыка не вяжет, не лаптем щи хлебаю, вправлять мозги, вешать лапшу на уши, глазами хлопать, дать дуба, заткнуть глотку, как баран на новые ворота, кишка тонка, лезть в бутылку, разводить бодягу, рот разевать, рыло воротить, с жиру беситься, скалить зубы, сматывать удочки, снимать стружку, совать свой нос, тютелька в тютельку, шарашкина контора, шишка на ровном месте* и т.д.

Разговорный стиль характеризуется богатством эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии: *наводить тень на плетень, брать за горло, лезть в бутылку, брать измором.*

Эта специфика разговорно-бытовых фразеологизмов особенно ярко проявляется при сопоставлении их с общеупотребительными словами, синонимичными ФЕ: *убежать – наострить лыжи, говорить – точить лясы, разбогатеть – набить карман, трудиться – гнуть спину, вмешиваться – совать нос.* [Копыленко 2002: 128]

Метафоричность устойчивых сочетаний предполагает их образный характер. Разговорные ФЕ вносят в речь оттенок непринужденности,

простоты, даже некоторой «фривольности»: *заморить червячка, подложить свинью, вбить в голову, мозолить глаза, валять дурака, распустить нюни.*

Их не волнует ни черта! (Выс., т.2, с. 176)

Ничего не унес – отвалился

В чем мать родила. (Выс., т.2, с.110).

Вследствие широкого спектра образов разговорно-бытовые фразеологизмы обуславливают использование их в произведениях художественной литературы не только прозаических, но и поэтических. ФЕ такого характера делают текст ярким, авторы художественного слова добиваются оригинальности персонажей, сочности их языка, вкладывают излюбленные средства народного выражения в уста героев: «Эк куда метнул! Какого туману напустил! Разбери, кто хочет!» [Баранник 1978: 258]

Для разговорных фразеологизмов характерны процессы трансформации: ФЕ переосмысляются, изменяют форму, в них активны процессы контаминации и комического обновления фраземы. Слово с фразеологически обусловленным значением может употребляться как самостоятельное, но при этом сохраняется значение целого фразеологизма: *не суйся не в свое дело, совать нос не в свое дело; сорвалось (сорваться с языка)*. В таких случаях можно говорить о законе экономии речевых средств, также имеет место и принцип неполноструктурности. К разновидности разговорной фразеологии фразеологи причисляют и стандартные выражения, установившиеся формулы речевого этикета: *Как дела?; Доброе утро!; Будьте любезны!; Благодарю за внимание; Прошу прощения* и т.п.

Межстилевые фразеологизмы

Наряду с межстилевой лексикой русского языка существуют и более мелкие её группы – межстилевые фразеологические обороты – это устойчивые сочетания слов, которые известны всем носителям языка и которые употребляются во всех стилях; это простые наименования предметов и явлений объективной действительности, не окрашенные эмоционально, без какой-либо экспрессии. Для таких сочетаний слов не

характерна сниженной или возвышенной коннотация. К ним относятся следующие фразеологические единицы: *бить мимо цели (и антоним бить в цель); бить тревогу; брать (взять) слово; брать (взять) сторону кого-, чью-либо; взять в руки; из года в год; идти вверх; иметь в виду; на первый взгляд; раздвигать рамки; сдержать слово; стирать грани; стоять на пути; терять из виду; углубиться в (самого) себя; уступить дорогу; на два фронта; давать ход чему-либо; полным ходом; центр тяжести; на каждом шагу, во всяком случае, время от времени и т.д.*

Чтоб разлив по сто семьдесят граммов на брата (Выс., т.2, с.96).

С точки зрения стилистики анализируемы фразеологизмы являются нейтральными, стилистически немаркированными. По большей части стилистически нейтральные фразеологизмы включают абстрактные компоненты. Поэтому соответствующие обороты, как правило, не могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям эквивалентного состава и вследствие этого лишены обобщенно - метафорического значения. [Жуков 1978: 68]

Межстилевой фразеологической лексики много, и количество её постоянно растет. Однако, в отличие от межстилевых единичных лексем, их все же меньше, чем фразеологизмов, ограниченных в своем употреблении определенной сферой общения. Это обстоятельство объясняется тем, что подавляющее большинство фразеологизмов, эквивалентных слову, функционирует в русском языке в качестве образных синонимов слов и имеет какую-либо экспрессивно-стилистическую окраску. [Абреимова 1999: 104]

Книжные фразеологизмы

Фразеологические обороты книжного характера составляют определенную часть всех ФЕ: *аттическая соль, воскурить фимиам, камень преткновения, камни вопиют, кануть в Лету, книга за семью печатями, краеугольный камень, обетованная земля, панургово стадо, почивать на лаврах, прокрустово ложе, рядиться в тогу и др.*

Сфера употребления фразеологических оборотов книжной речи намного уже, чем фразеологизмов нейтральных, межстилевых.

С точки зрения стилистической к книжной фразеологии относятся и многие цитаты, крылатые выражения из произведений русских и зарубежных писателей, из античной литературы, из церковных книг и т.д.

Книжные фразеологизмы придают оттенок приподнятости и торжественности письменной речи:

Таганка! Славься, смейся, плачь, кричи!

Живи и наслажденьем, и страданьем.

Пусть лягут рядом наши кирпичи

Краеугольным камнем в новом зданье! (Выс., т.2, с.214)

Не всегда книжные фразеологизмы обладают экспрессией торжественности или приподнятости. Они могут быть и стилистически нейтральными. Таковы характерные для литературно-книжной речи обороты иноязычного происхождения типа *зондировать почву, авгиевы конюшни*.

1.3. Лексико-семантические отношения в системе фразеологии

Фразеологизмы русского языка, как правило, являются однозначными: их значение постоянное: *витать в облаках* – «предаваться бесплодным мечтам», *на первый взгляд* – «по первому впечатлению», *ставить в тупик* – «приводить в крайнее затруднение, замешательство». Всё же есть фразеологизмы, у которых несколько значений. Об этом можно узнать в фразеологических или толковых словарях. Например, ФЕ *мокрая курица* имеет несколько значений: 1) «безвольный, бесхитростный человек, размазня»; 2) «человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо»; *валять дурака* – 1) «ничего не делать»; 2) «вести себя несерьезно, дурачиться»; 3) «делать глупости».

Явление многозначности у фразеологизмов чаще всего возникает в результате закрепления их переносных значений. Например, фразеологизм

боевое крещение – «первое участие в бою» – приобретает в языке еще одно значение вследствие образного его употребления – «первое серьезное испытание в каком-либо деле». Наиболее часто переносные значения появляются у фразеологизмов терминологического характера {привести к одному знаменателю, центр тяжести, удельный вес, точка опоры, родимое пятно). Быстрее и легче многозначность развивается у фразеологизмов, которые имеют неразложимое, целостное значение и по своей структуре соотносительны со словосочетаниями.

СИНОНИМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы вступают в синонимические отношения. Это говорит о том, что данные сочетания позволяют выразить по-разному одну и ту же мысль: *одним миром мазаны, два сапога пара, одного поля ягоды, тьма-тьмуца, несть числа, хоть пруд пруди, что песку морского, как собак нерезаных*. Фразеологизмы, равно как и лексемы, образуют синонимические ряды, с доминантой-фразеологизмом, с ними синонимизируются и отдельные слова: *оставить в дураках, оставить с носом, обвести вокруг пальца, отвести глаза (кому), втереть очки (кому), взять на пушку, обмануть, одурачить, провести, обойти, надуть, объегорить, мистифицировать*. Всё разнообразие лексических и фразеологических синонимов и их совместное сосуществование обуславливает яркие выразительные возможности русского языка.

Синонимия фразеологизмов – явление интересное в нашем языке, поэтому вызывает особый интерес у лингвистов. Представляется оправданным отнесение к фразеологическим синонимам тождественных или близких по значению фразеологизмов, которые могут отличаться стилистической окраской, сферой употребления. Многие синонимичные ФЕ имеют одинаковые компоненты: *овчинка выделки не стоит – игра не стоит свеч*. К таким рядам относим и фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие в основе разные образы: *задать баню – задать перцу, гонять лодыря – гонять собак, повесить голову – повесить нос*.

М.И. Фомина к фразеологическим синонимам относит «близкие или тождественные по значению неделимые единицы, сходные по грамматической и функциональной роли, по-разному характеризующие обозначаемое явление» [Фокина 1987: 331]. Например, В.С. Высоцкий использует следующие фразеологические синонимы:

Хоть ты кровь голубая,

Хоть ты белая кость

(Т.2, С, 113)

В этих строчках автор использует синонимичные фразеологизмы «*голубая кровь*» в значении: «человек дворянского, аристократического происхождения» (ФС, с. 213) и «*белая кость*», то есть «человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию» (ФС, С. 209). Как синонимы эти ФЕ фиксирует «Словарь фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жукова.

Некоторые фразеологические синонимы имеют стилевое различие, например: «*Но царская дочь путеводную нить парню дала*» (Выс. т. 2, с. 106); «*И у меня дело неладно: Я потерял нить Ариадны*» (Выс. т. 2, с. 106). Здесь использованы фразеологизмы-синонимы «нить Ариадны» и «путеводная нить» в значении «то, что помогает найти выход» (ФС, с. 280). ФЕ «ариаднина нить» имеет во «Фразеологическом словаре» стилистическую помету «книжн.».

Заметно также расслоение фразеологизмов-синонимов на широко употребительные и устаревшие: «*И наших седоков, почивших в бозе*» (Выс., т. 2, с. 171) и «*И мы ни разу не сходили в гроб*» (Выс, т. 2, с. 7). Фразеологизмы имеют значение «умереть», ФЕ *почить в бозе* относится к устаревшим, что отмечено в словарной статье (ФС, с.464).

Не являются фразеологическими синонимами варианты, имеющие различия в лексическом составе и структуре, то есть устойчивое сочетание и свободное словосочетание с таким же лексическим наполнением: *не ударить*

лицом в грязь – не удариться лицом в грязь, зажимать в кулак – зажимать в кулаке, закидывать удочку – забрасывать удочку.

Не считаем также синонимичными фразеологизмы, которые сходны в значениях, но имеют отличия в лексической сочетаемости и употребляются в разных контекстах. К таким относятся, например, фразеологизмы *с три короба* и *куры не клюю*. Названные ФЕ хотя и означают «много», но в речи используются по-разному: выражение *с три короба* сочетается со словами *наговорить, наобещать, наболтать*, а ФЕ *куры не клюют* сочетается только со словом *деньги*.

Фразеологизмы-синонимы, как и фразеологизмы-лексемы, могут

- отличаться стилистической окраской (ср.: *камня на камне не оставить, учинить расправу* – книжн.; *разделить под орех, задать перцу* – разг.);

- быть фразеологизмами-дублетами, то есть ничем не отличаться в значениях (ср.: *стреляный воробей – тертый калач*);

- являться идеографическими синонимами, то есть иметь оттенки в значении (ср.: *за тридевять земель* – куда *Макар телят не гонял* (первый обозначает «очень далеко», второй – «в самых отдаленных, глухих местах»). Наблюдаются случаи, когда идеографические фразеологизмы отличаются характером интенсивности действия: *лить слезы, обливаться слезами, утопать в слезах, выплакать все глаза* – наблюдается градация: последующий синоним передает более сильное проявление действия.

Разнообразная лексическая и фразеологическая синонимия позволяет художникам слова из множества подобных значений выбирать наиболее яркие, точные, экспрессивные. В рассказе А.П. Чехова «Налим» встречаем такие фразеологические синонимы: *исчез, куда-то провалился, поминай как звали, и след простыл, только его и видели, без слова тягу дал, как в воду канул*.

В художественной речи возможно так называемое одновременное нанизывание лексических и фразеологических синонимов («*Венеция меня*

очаровала, свела с ума». А.П. Чехов). Таким рядом синонимов присуща уточняющая функция («О Куропаткине отзывались хорошо. Он импонировал. Говорили только, что он *связан по рукам и ногам*, что у него *нет свободы действий*». В.В. Вересаев).

Сочетание фразеологических синонимов с лексическими способствует созданию градации (*сломать, разбить вдребезги, стереть с лица земли*). Интересны и оригинальны случаи параллельного использования в тексте нескольких синонимов-фразеологизмов с общим членом (« – Вы хотите *посвятить себя всецело* сцене – это хорошо, и *стоит тут овчинка выделки и игра свеч*, но... *хватит ли у вас сил*»? – А.П. Чехов).

Следует отметить, что ФЕ присуща и антонимия, но значительно реже встречается это явление, нежели, например, синонимия. Противоположное значение фразеологизмов возникает в результате антонимических отношений их лексических синонимов (ср.: умный – глупый, *семи пядей во лбу* – *пороха не выдумает*, румяный – бледный, *кровь с молоком* – *ни кровинки в лице нет*).

Обратим внимание на фразеологизмы-антонимы, которые частично совпадают по составу, но имеют лексемы-компоненты, антиподы по значению: *с тяжелым сердцем* – *с легким сердцем*, *не из храброго десятка* – *не из трусливого десятка*, *поворачиваться лицом* – *поворачиваться спиной*. Компоненты, придающие противоположное значение в таких ФЕ, часто являются лексическими антонимами (храбрый – трусливый, легкий – тяжелый), но противоположный смысл появляется только в фразеологически связанных значениях (лицо – спина).

Оживляет речь, придает ей каламбурное звучание использование антонимов-фразеологизмов, состоящих из общих компонентов, столкновение которых особенно интересно. Например: «В самом же начале своей речи он предупредил, что предлагаемые им меры будут «суровыми», что новый бюджет будет «жестким»... «Столь жесткий бюджет необходим, чтобы *поставить Англию на ноги*», – утверждал Дженкинс. «Не знаем, как

Англию, но нас, англичан, он *сбивает с ног*», – горько иронизирует человек с улицы». (М. Струе «Время: по Гринвичу и по существу»).

Омонимические отношения фразеологизмов возникают в том случае, когда идентичные по компонентам (по звучанию и написанию) фразеологизмы имеют совершенно разное значение: *брать слово* – «по собственной инициативе выступить на собрании» и *брать слово (с кого-то)* – «получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо».

Фразеологизмы-омонимы могут появиться в результате образного переосмысления одного и того же понятия, когда за основу берутся его разные признаки. Например, фразеологизм *пускать (красного) петуха* в значении «устраивать пожар, поджигать что-либо» восходит к образу огненного, рыжего петуха, похожего по цвету на пламя. Омонимичный фразеологизм *пускать (давать) петуха* в значении «издавать пискливые звуки» создан по сходству звучания голоса певца, сорвавшегося на высокой ноте, с высоким, хриплым криком петуха. Появление такой омонимичной пары возникает из-за случайного совпадения компонентов, входящих в состав фразеологических оборотов. Фразеологические омонимы могут появляться также вследствие окончательного разрыва значений многозначных фразеологизмов. Например, образное значение фразеологизма *ходить на цыпочках* – «ходить на кончиках пальцев ног» – послужило основой для появления его омонима *ходить на цыпочках* – «заискивать, всячески угождать кому-нибудь».

Для лексико-семантических отношений фразеологизмов характерны соответствия среди свободных словосочетаний, то есть одно и то же сочетание слов может быть и ФЕ, и свободным словосочетанием: *прикусить язык* – это сочетание может иметь свободные значения («*Я хотел было вести разговор с моим ящиком, но меня подбросило, и я прикусил язык*». Н.А. Добролюбов), но может выступать как фразеологизм со значением «замолчать, воздержаться от высказывания» («*Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык*». – А.С. Пушкин). Как понимать то или

иное выражение читателю подскажет контекст. Например: «Тяжелая и сильная рыба бросилась... под берег. Я начал выводить ее на чистую воду». (К.Г. Паустовский). Не вызывает сомнений свобода словосочетания *вывести на чистую воду*, хотя есть и фразеологизм с таким же лексическим составом, но при этом имеет метафорическое значение (вскрыть правду, разоблачить, сорвать маску).

ГЛАВА II. СПОСОБЫ ДЕФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

II.1. Понятие о дефразеологизации

История развития литературы на современном этапе представляет собой историю неустанных поисков более богатых, новых, действенных средств повышения экспрессии, более эффективного воздействия на адресата. Ярким средством реализации экспрессии в художественном произведении является индивидуально-авторская трактовка речевых средств, в том числе фразеологизмов, которые обладают неисчерпаемыми возможностями употребления, когда самые обыденные, примелькавшиеся обороты приобретают ярко выраженную экспрессию. По мнению Т.Г. Винокур, язык произведений художественной литературы характеризуется намеренно индивидуализированным использованием узуальных единиц, которые «узаконили» окказиональные отклонения. «Неповторимость» образно-выразительных языковых средств есть основа их полноценного эстетического восприятия» [Винокур 1980: 84]. Именно яркость, неповторимость, новизна каждого фразеологизма-окказионализма, неожиданность его формы и содержания, воспринимаемых на фоне узуального общепринятого оборота, являются факторами, обеспечивающими высокую экспрессию, особое восприятие фразеологической единицы.

В лингвистической литературе явление дефразеологизации трактуют по-разному. Например, В. П. Жуков определяет дефразеологизацию как особый процесс, в ходе которого прежде семантически опустошенные компоненты приобретают самостоятельные переносные значения. Так, в составе генетически глагольного фразеологизма *попасть впросак* первый компонент получает значение «оказаться в каком-либо положении» [Жуков 1987: 20]. В более поздней своей работе В. П. Жуков говорит о том, что «дефразеологизация наступает тогда, когда компоненты (или один из компонентов в двучленных образованиях) приобретают полную

семантическую самостоятельность и преобразуются в слова с отвлеченным системным значением» [Жуков 2002: 76-77].

Специальный раздел посвящен явлению дефразеологизации в книге А. Г. Назаряна «Фразеология современного французского языка». Автор называет дефразеологизацией «явление, при котором фразеологизм в результате возникновения новых самостоятельных значений в его компонентах утрачивает основной признак фразеологичности». По мнению А. Г. Назаряна, «дефразеологизированные словосочетания сохраняют свое значение и устойчивый характер, но они уже относятся не к фразеологической, а к лексической системе языка». Чем отдаленнее связь между старым, исходным и новым значением компонента, тем активнее проходит процесс дефразеологизации. Дефразеологизация неизбежно ведет к распаду фразеологической единицы [Назарян 1987: 220-222].

В работах известного фразеолога В. М. Мокиенко находим более широкое и ёмкое трактование дефразеологизации. Учёный связывает это явление с процессами имплицирования (сжатия) и эксплицирования (расширения) состава ФЕ. Существуют, например, разнообразные пути превращения фразеологизма в слово. В одних случаях этот путь состоит из нескольких этапов, в других – более быстрый путь, то есть «двушаговый»: ФЕ – слово: *пойти на попятный двор – на попятный двор – на попятный, притча во языцех – притча, тянуть волынку – волынить, моргать глазами – моргать, втирать очки – очковтирательство*. С точки зрения учения В. М. Мокиенко, тесно взаимосвязанные тенденции имплицирования и эксплицирования, затрагивающие форму и содержание фразеологизмов, «являются мощными источниками фразеологизации и в то же время дефразеологизации: способствуя развитию, обновлению и тем самым повышению жизнеспособности фразеологизмов, они одновременно помогают разрушению; содействуя процессу консолидации, стабилизации сочетаний, эти тенденции могут и активно нейтрализовать их структурную и семантическую устойчивость» [Мокиенко 1990: 155-156].

А. В. Жуков понимает под дефразеологизацией «процесс восстановления в отдельных компонентах фразеологизма их вторичных лексико-семантических свойств». «В некотором смысле дефразеологизация является процессом, обратным фразеологизации. Если в результате фразеологизации слова в составе исходного словосочетания семантически и функционально преобразуются, становясь компонентами фразеологизма, то дефразеологизация в той или иной мере предполагает как бы возврат компонента в его прежнее качество – в слово, как правило, с новым, производным от фразеологизма значением. Ср. *биться как рыба об лед* «Тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать и *биться* 1. Разг. Испытывать материальные затруднения; жить в нужде; перебиваться'; 2. Разг. Прилагать много усилий, стараний для достижения чего-либо» [Жуков 1987: 84].

Л. В. Попова считает дефразеологизацией «восстановление реального смысла устойчивого сочетания и реальных связей его компонентов в определенной ситуации с привычным лексическим окружением при сохранении или обогащении образно-переносного значения фразеологизма. Это, проще говоря, двуплановость устойчивого сочетания, совмещение, органическое соединение двух значений – прямого и образно-типизированного, переносного». Таким образом, данный автор под дефразеологизацией понимает двойную актуализацию. Несколько иной точки зрения на данный процесс придерживается И. В. Абрамец: «Именно буквализация (а не совмещение) и есть то, что можно назвать разрушением фразеологизмов, так как при буквализации ФЕ как единая единица речи уже не сохраняется; она распадается, и ее компоненты выступают в предложении в роли отдельных его членов».

Мы рассматриваем дефразеологизацию как стилистический прием, которым довольно часто пользуются художники слова.

Среди работ, посвященных авторским преобразованиям ФЕ, следует назвать исследования В.П. Вомперского (фразеология В.В. Маяковского),

К.И. Мурухановой (фразеология А.Т. Твардовского), О.Г. Сальниковой (фразеология А.Н. Толстого) и др. Опыт их анализа окказионального использования ФЕ в художественной речи показывает, что в целом система способов индивидуально-авторских преобразований фразеологических оборотов едина. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением максимально использовать средства языка экспрессивного характера в художественной речи и публицистике для формирования эстетического переживания. Другая сторона этого вопроса нам представляется более важной, так как способность фразеологизма трансформироваться в речи определяется самой его природой, которая создает условия для нарушения традиционного, закрепленного языковой практикой употребления фразеологизмов.

Языковое авторское творчество состоит в изменении и перегруппировке фразеологических связей, в формировании новых контекстов их употребления. По утверждению Н.М. Шанского, в этих случаях «фразеологический оборот получает, помимо заложенных в нем самом, новые эстетические качества» [Шанский 1985: 205]. Среди основных причин дефразеологизации М.А. Бакина называет «экономия речевых средств, поиск источников постоянной экспрессии, стремление автора заполнить отвлеченную модель ФЕ конкретным содержанием» [Бакина 1991: 128]. Дефразеологизация способствует установлению особых коммуникативных связей между автором и читателем.

Дефразеологизация представляет собой разрушение устойчивых выражений. Для характеристики трансформации ФЕ (фразеологической единицы), когда оборот перестает существовать как таковой, в научной литературе используются термины: разрушение, фразеологические осколки, конденсаты, дефразеологизация, аллюзия, распад (Н. М. Шанский, П. А. Лекант, И. Я. Лепешев, А. Г. Ломов и др.). Процесс разрушения устойчивого сочетания слов происходит весьма разнообразно и своеобразно. Дефразеологизация предполагает такую степень трансформации, при

которой в контексте разрушается традиционная структура, изменяется постоянный лексический состав, обычные грамматические формы компонентов ФЕ. При таком процессе наблюдается утрата отдельных релевантных признаков ФЕ, в том числе устойчивости и общеизвестности. Однако в контексте, как правило, заключен намек на присутствие фразеологического оборота.

II.2. Классификация способов дефразеологизации

Необходимо отметить, что в лингвистике большое количество работ, посвященных индивидуально-авторской обработке фразеологических единиц. Однако исследователи не имеют общих взглядов, которые бы определяли способы и виды трансформаций. Это является следствием того, что приемы изменений фразеологических единиц многочисленны, разнообразны, а во многих случаях необычайно сложны. Как отмечает Э.Б. Наумов, «выработка единой классификации осложняется также тем, что эти приемы используются не изолированно друг от друга. Нередко они применяются писателями комплексно, причем не всегда просто решить, какой из этих приемов в данном случае является ведущим» [Наумов 1971: 71-75]. Поэтому в научной литературе существует обилие терминов, называющих преобразование ФЕ: индивидуально-авторское преобразование, индивидуально-авторская обработка ФЕ, модификация, деформация, авторские инновации, трансформация, разложение и др.

Заслуживает особого внимания подход Н.Л. Шадрин к проблеме трансформации ФЕ, который рассматривает ее как комплекс, систему элементарных приемов, представляющих собой «частные проявления более общего лингвистического феномена» [Шадрин 1973: 79]. Ученый предлагает классификацию, состоящую из двух основных групп (которые подразделяются на подгруппы) приемов преобразования фразеологических единиц:

1) приемы, связанные с семантическими преобразованиями ФЕ, которые включают две подгруппы:

а) намеренное обыгрывание прямого несвязанного значения отдельных компонентов;

б) соединение (совмещение) или противопоставление свободного и фразеологически связанного значения всего словосочетания;

2) приемы структурно-семантические, которые характеризуют отклонениями от стабильной языковой формы ФЕ. Эта группа приемов включает в себя подгруппы, связанные с преобразованиями компонентного состава фразеологизмов:

а) имплицитность ФЕ,

б) эксплицитность ФЕ.

А.К. Кочетков видоизменения фразеологических оборотов объединяет в два типа трансформаций: «индивидуально-авторских и внутрисистемных преобразований» [Кочетков 1973: 92]. По утверждению С.А. Межериной, наибольший интерес представляют индивидуально-авторские изменения ФЕ, так как именно они позволяют судить об особенностях творческой манеры писателя. Новые бороты, возникающие в результате авторской трансформации ФЕ, как правило, не имеют аналогов в языке, они индивидуальны, неожиданны и неповторимы. Действительно, новаторство писателя проявляется в неожиданном индивидуально-авторском преобразовании фразеологических оборотов, то есть в появлении фразеологического, способствующего оживлению и обновлению значения общеизвестных ФЕ.

Именно индивидуально-авторские трансформации наиболее тесно связаны с художественно-изобразительными функциями фразеологизмов в художественном тексте, именно они способствуют созданию образности и красочности слога. По справедливому замечанию О.И. Литвинниковой, такие ФЕ, «соединяясь с экспрессивным текстом, становятся отражением

ценностной картины мира языковой личности» писателя» [Литвинникова 1999: 201].

В современных работах по изучению типов трансформации ФЕ многие ученые (А.Г. Ломов, Г.Н. Абреимова [2 и 34]. и др.) отмечают, что дефразеологизация может быть структурного и семантического характера. Чаще всего разрушение происходит в результате деформации структуры: введение новых слов, субституция и морфологическая перестройка компонентов, изменение их последовательности. Но наиболее типичным, основным (ведущим) способом разрушения, с нашей точки зрения, является сокращение лексического состава оборота.

При сокращении объема оборота могут наблюдаться 1) иной порядок расположения компонентов, 2) морфологическое изменение слов, 3) субституция, 4) структурная трансформация, 5) вклинивание.

На структурном уровне выделяют 3 типа преобразований: I тип редукции ФЕ, II тип редукции ФЕ, III тип редукции ФЕ [Абрамович 1964: 31].

При I типе редукции наблюдается отсутствие отдельных частей ФЕ, компоненты, которые остались без изменения, сохраняют семантическую связь и свой привычный словопорядок. Например: *Насчет двойной бухгалтерии я думаю: скорее всего у вас-то, попов, она и есть двойная, со счетами богу и кесарю, а материализм, как ты говоришь, этот счет двойной выправляет* (Пришвин. Повесть нашего времени) – ср.: ФЕ *кесарево кесарю, а божие Богу*.

II тип редукции ФЕ характеризуется тем, что оставшиеся от оборота компоненты разбросаны в микроконтексте. Отмечается глубокое преобразование ФЕ. Оно представлено 1) морфологическим изменением компонентов, 2) субституцией, 3) изменением структуры, 4) вклиниванием и 5) сокращением лексического состава. Например: – *Врагов не было, – ответил Илья, – теперь только и поняли, кто наши враги. – Кто! Известно кто: капиталисты. Яша вздохнул: – А какое государство-то было. Илья: – И*

все в прах! Балалайка: Вдрызг! Гармонист и скрипач: – Вдрызг, в прах ираспрах! (Пришвин. Мирская чаша) – ср.: ФЕ *разбить в пух и (в) прах: Старый два раза слезал с полатей поглядеть в окошко, не пора ли отправляться на ток, и оба раза его хватал бес за ребро. Оба раза молодая вдовая сноха Паша хорошо огрела его рогачом* (Пришвин. Кашеева цепь) – ср.: ФЕ *седина в бороду (в голову), а бес (черт) в ребро.*

Последний, III тип редукции ФЕ, интересен тем, что от устойчивого сочетания в контексте всего лишь одна лексема, но она способна передать значение (идею) ФЕ. Образ (внутренняя форма) оборота при этом утрачен. В результате семантического сжатия на месте фразеологических двучленов остается, как правило, существительное. Данное явление может иметь общеязыковой характер: *развесистая клюква* {*клюква, переметная сума* {*сума*. Возможность или невозможность семантического сжатия фразеологизма связано как с особенностями лексико-грамматической структуры ФЕ, так и с потенциальными лексико-семантическими способностями слова-компонента, вбирающего в себя значение всего фразеологизма [1998: 241].

Исходя из наших наблюдений, терминологические обороты «прилагательное + существительное» могут характеризоваться качественно иным преобразованием: конденсаты представляют собой прилагательное. Например: *...стоя на Аничковом мосту, он сумрачно заглядывался на темную воду, на посеревишие от нечистого снега баржи; бродя по Невскому, внимательно изучал товары в окнах магазинов* (Бунин. Петлистые уши); – ср.: *Невский проспект; А на Святой мещанин приехал в гости к Устину* (Бунин. При дороге) – ср.: *Святая неделя*. Результаты данного семантического сжатия фразеологического двучлена ученые называют контекстуально-ситуативными семантическими конденсатами. Их появление возможно лишь в условиях контекста.

К числу нетерминологических конденсатов относятся такие лексемы, которые фиксируют в себе основное значение оборота, являются его

стержневым центром. Подобные словоэлементы ФЕ, оставшиеся после предельной редукции, являются фразеологическими осколками (Л. И. Ройзензон). Такие выражения являются разноструктурными образованиями, а компоненты-конденсаты – разными частями речи. Например: *Артюшка, торговый агент, и глазом моргнуть не успеешь, обведет тебя по-своему, и нет ничего у тебя - ни товару, ни человека* (Пришвин. Повесть нашего времени) – ср.: ФЕ *обвести вокруг пальца*; *...но явился пьяный Афонька, всех сбил, все перепутал и, завладев общим вниманием, стал говорить о сотворении мира и о Ноевом потопе, и как взбунтовались звери в ковчеге...* (Пришвин. Кашеева цепь) – ср.: ФЕ *сбить с толку*; *Чтобы переменить разговор, я говорю: – Ну и мух у вас, Прокофий! Он оживленно подхватывает: – Мух? Содом! С утра до вечера мну, великие тысячи помял* (Бунин. Мухи). В последнем примере при структурном разрушении ФЕ изменяется и ее семантика. Ср.: ФЕ *Содом и Гоморра* имеет два значения 1. «Суматоха, беспорядок; шум и гам; неразбериха»; 2. «Кутеж, разврат где-либо» – фразеологический осколок *Содом* выступает в значении «очень много чего-либо».

В отношении использования термина «аллюзия», с нашей точки зрения, следует сделать некоторые уточнения. Само явление аллюзии имеет место в том случае, когда в микроконтексте отсутствуют формальные признаки ФЕ (структура, компоненты), но соответствующее содержание фрагмента текста близко семантике оборота, который может мыслиться. Такая «нулевая» аллюзия выполняет функцию намека, но не демонстрирует самого факта разрушения ФЕ.

Итак, частичная дефразеологизация представлена примерами, в которых сохраняются отдельные составляющие ФЕ и семантическая связь между компонентами устойчивых сочетаний не нарушается (I тип редукции), полную дефразеологизацию составляют так называемые «фразеологические осколки» (II и III типы редукции), а также примеры «нулевой» аллюзии.

В последнее время превалирует точка зрения исследователей, которые считают, что правомерно выделять две основные группы приемов преобразования фразеологических единиц: 1) семантические; 2) структурно-семантические с выделением внутри них более конкретных приемов.

К **преобразованиям на уровне семантики** можно отнести собственно семантические преобразования и двойную актуализацию. Вторая группа – **структурно-семантические преобразования** – отлична от приемов первой группы тем, что авторская трансформация фразеологизма происходит за счет отступлений от ставшей привычной формы фразеологизма. К таким изменениям относятся: замена компонента, расширение или сокращение компонентного состава, изменение синтаксической структуры и т.д. Подобные окказиональные «нарушения» чаще всего направлены на актуализацию обобщенного значения ФЕ применительно к конкретной ситуации, изменение качественно-оценочной направленности оборота, интенсификацию его значения, внесение дополнительных семантических оттенков.

Описание приемов индивидуально-авторских трансформаций в произведениях художественной литературы, а также анализ их художественно-изобразительных функций будет проводиться нами в соответствии с этой классификацией. При анализе преобразованных ФЕ на первый план мы будем выдвигать стилистический критерий значимости трансформированного оборота: частотность использования тех или иных приемов, семантическую насыщенность и смысловую емкость модифицированных фразеологизмов, их связь с идейно-художественным замыслом произведения.

П.3. Структурные изменения фразеологизмов

Разрушение ФЕ происходит чаще всего в результате деформации структуры: появление новых слов, субституция и грамматическая перестройка компонентов, изменение их последовательности.

При сохранении лексического состава (количества компонентов) могут наблюдаться случаи морфологического изменения или **субституции** слов ФЕ, которые приводят к разрушению устойчивого словесного комплекса. Например: 1) *И пойдешь, как несолоно хлебал; да еще оглядываешься, в затылок не провожают ли* (А. Островский) – ср.: *несолоно хлебал* – ФЕ *несолоно хлебавши*; 2) *Украдешь у него! Он за семь замков запирает* (А. Островский) – ср.: *за семь замков* – ФЕ *за семью замками*. В данных примерах наблюдаются морфологические изменения компонентов.

При субституции компонентов количество лексических единиц в составе ФЕ сохраняется, но сама устойчивая единица разрушается. В сущности, на месте устойчивого выражения в реплике появляется свободная фраза. Стоит заметить, что субституция компонентов специфична, так как она вызывает распад оборота. Субституты вступают в совершенно другие семантические связи с лексическим окружением в условиях реплики. Структура оборота сохраняется, но она уже не осознается устойчивой, так как налицо иной порядок лексем. В силу обновлённых семантических связей со словесным окружением отмечается и морфологическое изменение отдельных компонентов.

Подчеркнём, что субституты при этом не являются синонимами. Именно эти лексемы-заменители в первую очередь разрушают устойчивость оборота. Причем, субституты по своей частеречной принадлежности могут соответствовать или абсолютно не соответствовать компонентам оборота. Субституции подвергается все или только часть компонентов ФЕ. Например: *Вижу, Царю жену другую прочат. Нужно ей место опростать. Нельзя двум женам под крышей жить одной* (А. Островский) – ср.: ФЕ *двум медведям в*

одной берлоге не жить {женам – медведям, берлоге – крышей). Ср. синонимические субституты компонентов ФЕ, которые приводят к образованию речевых вариантов устойчивых словесных комплексов: Все горе и все слезы наши, однако, только о том, что ручеек истинной жизни так медленно точит скалу, что опыта одного нашего личного не хватает и надо много жизней связать, чтобы начальное событие могло видеть свой прекрасный конец (М. Пришвин) – ср.: ФЕ вода камень точит и капля камень долбит.

Но наиболее типичным, основным (ведущим) способом разрушения, с нашей точки зрения, является сокращение лексического состава оборота. Некоторые исследователи указывают, что в применении к фразеологии аллюзия понимается не только как ссылка на фразеологическую единицу, но и как употребление части фразеологизма вместо всей единицы. Однако аллюзия и эллипсис представляют все же разные приемы: **аллюзия** как намек на фразеологическую единицу характеризуется разрушением ее, при котором происходит изменение и формы компонентов, тогда как эллипсис представляет собой неполное, редуцированное использование фразеологизма.

Необходимо отличать аллюзию от тех преобразований ФЕ, которые называются как морфологические, структурные, лексические на уровне появившегося варианта.

Аллюзия, как правило, строится на основе одного компонента или сразу нескольких компонентов устойчивого оборота. Но, оказывается, намек может опираться только на содержание микроконтекста. Казалось бы, что процесс разрушения (дефразеологизации) в таком случае не происходит. Но соответствующее содержание микроконтекста может быть близко семантике оборота, который в нашем сознании мыслится. Этот ассоциативно-образный процесс восприятия микроконтекста носит, считаем мы, индивидуальный характер, так как намек на ФЕ может и не осознаваться самим адресатом. Филологическая культура читателя (слушателя), его знание фразеологии

(современной и устаревшей) русского языка, всех типов ФЕ. в сущности, могут вызывать в сознании при чтении того или иного микроконтекста художественного произведения соответствующий фразеологизм. Это явление, с нашей точки зрения, проявляется на синонимическом уровне: отрывок контекста семантически близок устойчивому обороту. Данная аллюзия, по мнению учёных, является «нулевой», так как в её основе лежит функция намёка, но она не демонстрирует самого факта разрушения ФЕ. «В отличие от фразеологического осколка фразеологический намек как стилистическая фигура не является частью УСК (в том числе и кратчайшей): это упоминание какой-то ФЕ, иногда ее название, намек на известный носителям языка фразеологизм. При этом в сопроводительной ремарке может быть даже указано, что речь идет о какой-то пословице, поговорке. Ср.: «И все от корки до корки, что в книгу вписано вчера, все с нами – *в силу поговорки, насчет пера и топора*» (Твардовский. За далью даль) – (ср.: *что написано пером, не вырубишь топором*)» [Баранник 1978: 116-117].

Оборот воспроизводится потому, что в реплике есть слова, которые передают семантику будущего варианта устойчивого выражения. Фактором, определяющим ФЕ, в этом случае является, прежде всего, содержание самой реплики с ее отдельными опорными словами. Например: (Миловидов, поднимая с полу палочку). *Бот видишь! (ломает палочку и бросает в разные стороны). Бот было вместе, теперь врозь! Попробуй составить – не составишь. Так и любовь* (Островский). Эта реплика вызывает в сознании адресата *отрезанный ломоть к хлебу не пристанет*. Если сравнивать данный оборот с репликой, то, действительно, в микроконтексте нет компонентов ФЕ. Но содержание реплики синонимично ФЕ. Правда, оно не соответствует внутренней форме ФЕ: в устойчивом обороте оно состоит из отрезанного ломтя хлеба, в реплике же – поломанной палочки. В отрывке есть, с нашей точки зрения, опорные слова, явно передающие значение ФЕ: *ломает, палочка, разные*.

Возможен и такой случай аллюзии, когда содержание реплики, наличие слов окружения, с которыми обычно фразеологизм связан, подсказывает адресату, каким должен быть по форме сам устойчивый оборот. Например: *Ну, прощайте! Живите без помехи!.. А страшно! Страшно самой-то на себя... Ведь вот думаешь, что легко; а как придется, ... так страшно! Что есть на белом свете – со всем расставаться* (А. Островский). Несомненно, на месте многоточия следует предположить устойчивое выражение *руки наложить (на себя)* 'кончать жизнь самоубийством'.

Итак, аллюзия выполняет функцию намека, но не демонстрирует самого факта разрушения ФЕ, поэтому ее лишь условно можно отнести к полной дефразеологизации.

Термин **редукция** имеет разные номинации: **эллипсис**, или **сокращение** состава, и обычно связан с переосмыслением ФЕ. *До неба нам высоко*, а монастырь возьмем (А. Островский). Ср.: *до неба высоко, а до царя далеко. – Врагов не было, – ответил Илья, – теперь только и поняли, кто наши враги.... – А какое государство-то было. Илья: – И все в прах!* (М. Пришвин). Ср.: *разбить в пух и (в) прах. – Не думаю, чтоб Шуйский подался: он травленный* (А. Островский). Ср.: *травленный волк*.

Явление сокращения состава ФЕ называют эллипсисом, понимая его как «опущение членов легко подразумеваемых на основании состава и содержания фразы в целом» [Елкина 1980: 167]. Большой вклад в изучение фразеологического эллипсиса внес В.В. Виноградов, рассматривавший эллипсис как способ образования ФЕ. Большое значение имеют также работы В.А. Архангельского, который считал, что «сокращение устойчивых фраз опирается на явление антиципации, когда по фрагменту лексической состава ФЕ предвосхищается 50 значение целого» [Архангельский 1974: 118]. Восстановление утраченного элемента не предполагается ни контекстом, ни ситуацией.

Уменьшение количества лексических единиц состава фразеологизма, как правило, не сказывается на его семантике. Объясняется это тем, что

традиция употребления фразеологизма дает возможность практически свободно восстанавливать исходную форму, например: «Рвусь из сил и из всех сухожилий» (Выс., т. 2, с. 150). В этом примере использована усеченная ФЕ «изо всех сил», то есть «с предельным напряжением, интенсивностью» [СФ, 1987 с. 423]. Здесь недостающий компонент «всех» использован в уточняющем устойчивое выражение сочетания слов «из всех сухожилий».

Приведем еще примеры усеченных ФЕ в поэзии В.С. Высоцкого:

И очнулся добрый малый

Простофиля

У себя на сеновале,

В чем родили.

(Т.1, с. 175).

Здесь явное использование ФЕ «в чем мать родила», которая означает:

«1 – нагишом, без всякой одежды; 2 – без денег, состояния, имущества и т. п.» (ФС, С. 239).

...Массовик наш Колька Дал мне маску алкоголика – И на троих зазвали меня дяди (Т.1,с. 65).

«Сообразить на троих» – втроем купить одну бутылку спиртного, чаще всего – водки, и распить ее.

– Ой, Вань, гляди, какие клоуны! Рот – хоть завязочки пришей...

(Т. 1,с. 350).

Сравним разговорно-просторечное: «И улыбка до ушей – хоть завязочки пришей». Интересно, что усекаются могут слова, относящиеся к разным частям речи. Чаще всего – это глаголы: «*Да что вы все вокруг да около*» (Т.2, с. 54). Здесь представлен усеченный фразеологизм «ходить вокруг да около» в значении «говорить обиняком, не касаясь сути дела» (ФС, с. 509).

Крики «браво!» его оглушили, А литавры, а литавры. – Как обухом по голове». (Т. 2, с. 139).

В этом примере опущен глагол «ударять (бить)», что объясняется тем, что в предыдущей строке присутствует глагол со значением воздействия звука на слух «оглушили», поэтому глагол «ударять» или его вариант «бить» просто неуместен. Примером усечения глагола в структуре ФЕ могут стать и следующие поэтические строки: *«Мурашки по спине»* (здесь опущен глагол «бегают» в устойчивом сочетании «мурашки бегают по спине»).

Усекаться могут не только глаголы, но и другие части речи. К примеру, в предложении *«Говорит: «Не хочу отпираться, Что приехал сюда за рублем»* пропущено прилагательное в ФЕ «за длинным рублем» в значении «за большим и легким заработком» (ФС, с. 393). В следующих двух примерах усечены существительные: *«Не на равных играют с волками»* (усечено существительное «правах» во фразеологизме «на равных правах»);

Слышал, огромные деньги гребут За ... извините, за случку.

(Т. 2, с. 168).

Здесь представлен усеченный фразеологизм «грести (деньги) лопатой» в значении «много получать, зарабатывать, получать».

Иногда усекается частица: *«В кои веки раз я выбрался в загранку»* (Т. 1, с. 99). Здесь пропущена частица «то» в обороте «в кои-то веки». Может опускаться союз: *«У самих добра такого – завались»»* (Т. 3, с. 85). ФЕ, зафиксированная Фразеологическим словарем, имеет следующий состав: «хоть завались».

Как правило, усекается зависимый компонент ФЕ, наличие или отсутствие которого не влияет на содержание единицы, на ее эмоционально-экспрессивную сторону. Это может быть дополнение, обстоятельство и определение. Например, в предложении *«Как бы в рог его не гнули»* (Т. 3, с. 222) В. Высоцкий подвергает трансформации фразеологизм «гнуть в бараний рог» и убирает определение «бараний»; в примере *«Но почему же все того... Как в рот набрали?»* (Т. 3, с. 113) из ФЕ «набрать в рот воды» в значении «хранить упорное молчание» (ФС, с. 260) убрано дополнение «воды»; из

оборота «холодеет кровь в жилах» в поэтической строчке *«Не холодеет кровь на виражах»* уходит обстоятельство «в жилах».

В художественных текстах эллипсис может восстанавливаться с помощью контекста. Однако узнавание эллиптированной ФЕ возможно благодаря тому, что ФЕ имеют неразложимое значение, не равное ни одному из компонентов, ни сумме их значений. Поэтому и при пропуске компонента ФЕ сохраняет свое значение и узнается нами. И все же любое компонентное изменение относительно ФЕ способствует и перемене смысла устойчивого оборота в целом. Докажем это на конкретном примере. Так, иногда усечение всего лишь отрицательной частиц и введение фразеологизма в определенный контекст помогает создать яркий образ. Например, есть у В. Высоцкого стихотворение, рассказывающее о впечатлении от больницы, в котором поэт намеренно сталкивает понятия «смешно – не смешно»: больного *«от смеха ли, от страха ли, всего ... трясет»*, он *«боится глаза поднять, про самое смешное стараясь вспоминать»*. В такой ситуации логичнее использовать фразеологизм «не до смеха», так как больному *«смешно, хоть волком вой»*. Однако Высоцкий пишет:

И было мне до смеха – Везде, на все, всегда! (Т. 3, с. 172).

И получается яркий образ человека, который смеется над бедами, проблемами и неудачами: *«Вы втихаря хихикали, А я – давно во всю!»*. Вот как манипулирование структурой ФЕ может влиять на создание образа стихотворения. Мысль о влиянии усечения ФЕ на ее семантику подтверждает и следующий пример.

Анализ фразеологии В.С. Высоцкого показал, что он часто изменяет значение ФЕ на противоположное, достигая этого, в основном, усечением отрицательной частицы, например: *«Будто знают – игра стоит свеч»* (Т. 2, с. 23); *«Но смерть в бою всегда в чести»* (Т. 1, с. 112); *«Я вышел ростом и числом»* (Т.1, С. 215). Как мы знаем, в русском языке есть фразеологические обороты «игра не стоит свеч» в значении «затрачиваемые усилия и средства никак не оправдываются» (ФС, с. 178); «не в чести» – «не пользуется

признанием, успехом, уважением» (ФС, с. 526); «не вышел», то есть «не удался, не обладает в должной мере какими-либо качествами» (ФС, с. 100). Мы встретили и обратный процесс – добавление отрицательной частицы, изменяющей значение ФЕ: «*А то ни так, ни эдак*» (Т.2, с. 214). Фразеологический словарь фиксирует ФЕ «так и этак» в значении «по разному, на разный манер» (ФС, с. 469).

Авторы используют эллипсис главным образом для того, чтобы избежать ненужных повторов и разъяснений, то есть он является проявлением тенденции к экономии языковых средств, свойственной разговорной речи. Однако усечение компонентов ФЕ в какой-то мере несет стилистическую и смысловую нагрузку, способствует созданию ярких образов. Поэтому эллипсис как способ трансформации языкового материала является многофункциональной фигурой речи, служащей для усиления эмотивных, логических, коммуникативных свойств восприятия информации.

Расширение. Фразеологизмы употребляются в различных жизненных ситуациях. Однако при введении в контекст, который имеет определенную тематическую или оценочную направленность, порой необходима так называемая «коррекция» устойчивого значения фразеологической единицы, актуализация нужных автору смысловых оттенков. Окаzionale преобразование фразеологизма приводит в соответствие содержание контекста, форму и семантику фразеологической единицы. Поэтому **расширение лексического состава** за счет введения в структуру фразеологизма слов со свободным значением – еще один распространенный прием структурно-семантической трансформации ФЕ. На наш взгляд, это способ увеличения выразительных возможностей фразеологизма, реализации авторских намерений. О.И. Литвинникова считает, что «введение дополнительных компонентов в структуру инвариантных ФЕ предпринимается прежде всего для конкретизации образа, усиления семантики ФЕ» [Сальников 1975: 201].

Действительно, в результате расширения состава ФЕ возникает новое устойчивое сочетание с очень большим образным потенциалом, потому что в нем из-за неизменности стержневого компонента не утрачивается связь с уже существующей ФЕ. Введение в состав ФЕ дополнительных лексических элементов приближает в определенной степени абстрактный образ ФЕ к конкретному, а также обнажает прямое значение отдельных компонентов, конкретизирует их, усиливая выразительность и идейную насыщенность контекста.

Характер изменения ФЕ во многом зависит от того, какое слово включается в его состав. В роли конкретизирующих смысл ФЕ могут выступать различные части речи, выполняющие в предложении функцию определений, дополнений, обстоятельств. Часто ФЕ распространяются за счет *определений*, включаемых в их состав, они уточняют, конкретизируют семантику фразеологического оборота. В приведенных ниже примерах содержатся оригинальные авторские распространители, которые, однако, не вносят существенных изменений в семантику ФЕ. Определения делают значение оборота более насыщенным, конкретным, и если ФЕ свойственна характеризующая функция в данном контексте, то характеристика становится более детальной, подчеркивающей черты лирического героя, например: *«Рты свои огромные заткнули, болтливые»* (Выс., т. 3, с. 207).

Введение в структуру ФЕ определения позволяет Высоцкому конкретизировать обобщенное значение фразеологизма применительно к определенной, конкретной, неповторимой ситуации, а нередко и достичь комического эффекта. Так, например, у него не просто «козел отпущения», то есть «человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других» (ФС, с. 200), а *«Дорогой Козел отпущения»* (Т. 1, с. 36).

В прозаических художественных произведениях также расширяется состав ФЕ при помощи определений. Например:

Вопросы, до которых мы коснулись, не были случайны... Это те гранитные камни преткновения на дороге знания, которые во все времена

были одни и те же, пугали людей и манили к себе (Герцен) – определение *гранитные*, введенное в устойчивое словосочетание, придает образу особую наглядность.

Состав фразеологизма часто расширяется благодаря введению уточняющих слов: «*Кошки не обыкновенные, а с длинными желтыми когтями, скребли ее за сердце*» (А. Чехов); «*Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились*» (М. Салтыков-Щедрин).

Изменение состава фразеологизма может стать средством усиления экспрессивной окраски речи (*С величайшим нетерпением буду ждать... только не откладывайте в слишком долгий ящик.* – М. Горький). В иных случаях введение дополнительных слов во фразеологические обороты придает им новые смысловые оттенки. Например: *Скверное время для совместных выступлений – можно сесть в грязную лужу, а этого не хочется* (М. Г.) — *сесть в лужу* означает «поставить себя в неловкое, глупое, смешное положение»; определение, введенное в этот фразеологизм, расширяет смысл: «позволить себя вовлечь в нечестную игру, стать жертвой махинаций враждебно настроенных людей».

Расширение идет и за счет различного рода **обстоятельств**:

Ну а он даже ухом в ответ не повел: Вроде так и положено было.

(Т. 2, с. 266). «Ухом не ведет» – не слышит, так как не слушает.

Того, с большой душою в теле И с тяжким грузом на горбу, – Чтоб не испытывал судьбу, – Взять утром тепленьким с постели. (Т.1,с. 378).

ФЕ «взять тепленьким» здесь расширена до «взять утром тепленьким с постели».

Хоть родился у реки И в рубашке я. (Т. 3, с. 20);

Или взять его крепче за горло. – И оно свои тайны отдаст. (Т. 1,с. 11);

«*В пятки, мол, давно ушла душа!*» (Т. 1, с. 281). «Душа уходит (ушла) в пятки» – «кто-либо испытывает сильный страх» (ФС, с. 150). Кстати, в этом примере расширение ФЕ идет и за счет вводного слова, при помощи которого

автор останавливает наше внимание на фразеологическом сочетании, как бы заостряя его значение и усиливая образность.

Этот эффект мы наблюдаем и при внедрении в ФЕ сравнительных оборотов, например:

В жилах, как в радиаторе, Стынет кровь, не вода. (Т. 1, с. 160);

Мой язык как шнурок развязался – Я кого-то ругал, оплакивал. (Т. 3, с. 78).

В состав ФЕ вводятся и дополнения: «*И уносить с собой в могилу*» (Т. 1, с. 111); «*Но сегодня попал к испытателю в руки*» (Т. 1, с. 84); «*... сводят нас с ума*» (Т. 1, с. 176); «*И трезво, а не сгоряча Мы рубим прошлое сплеча*» (Т. 1, с. 365). Рубить сплеча: «1 – говорить прямо, резко, не считаясь ни с чем; 2 – действовать, поступать прямолинейно, часто необдуманно, нерасчетливо, сгоряча» (ФС, с. 393).

Вводятся не только второстепенные члены, но и главные, например: {*(Теряю я голову редко)*» (Т. 1, с. 87). Часто расширение идет не за счет одного слова, а нескольких: «*Я попал к ним в умелые, цепкие руки*» (Т. 1, с. 89). В этом примере В. Высоцкий в состав ФЕ ввел дополнение «к ним» и однородные определения «умелые, цепкие». За счет такого расширения фразеологизм как бы растворился в словах со свободным значением, однако он не потерял своей семантики, а наоборот, усилил и конкретизировал ее. Благодаря расширению лексического состава фразеологизмы оживают и создается эффект разговорности: «*Он ответил: «Вы попали прямо в точку»*» (Т. 1, с. 197).

Примеры еще большего расширения ФЕ: «*Плыл под грифом «Секретно» по волнам науки*» (Т. 1, с. 84);

Но только грош им, нищим, В базарный день цена. (Т. 2, с. 75);

*Я от земного низкого поклона Не откажусь, хотя спины не гнул.
Родился я в рубашке – из нейлона, – На шелковую, тоненькую я не потянул.* (Т.1, с. 456).

Родиться в сорочке (в рубашке) – «быть удачливым, счастливым, везучим во всем» (ФС, с. 390). ФЕ связана с поверьем древних славян, которые считали, что если ребенок родится «в сорочке» (плодном пузыре), то у него будет счастливая жизнь. Еще одну употребленную автором ФЕ – «гнуть спину (хребет, шею)» – словарь толкует как «унижаться, заискивать, раболепствовать» (ФС, с. 109).

Итак, результатом введения дополнительного компонента может быть появление определенных смысловых «примесей» в значении ФЕ, усиление степени проявления признака, качества, обозначаемого данным оборотом в его узуальном употреблении, развитие образной структуры фразеологизма.

Контаминация. Одним из наименее распространенных приемов преобразования ФЕ является контаминация. Это такое соединение двух фразеологизмов, которое приводит к образованию новой, окказиональной фразеологической единицы. При этом значительно возрастает смысловая емкость оборота, спаянность его с контекстом. В.Н Вакуров называет разные способы контамирования: «соединение ФЕ, имеющих общий компонент; соединение фразеологических единиц, не имеющих общего компонента; соединение семантически разных фразеологических единиц и др.» [Вакуров 1994: 41].

У Владимира Высоцкого мы обнаружили 25 случаев создания на базе двух реально существующих ФЕ одной:

Меня мама родила в сахарной рубашке,

Подпоясала меня красным ремешком. (Т. 4, с. 47).

Сравним: ФЕ «в чем мать родила» и «родиться в сорочке (в рубашке)».

Контаминация этих ФЕ преднамеренна, она предпринята поэтом как в семантических, так и в стилистических целях. Еще пример:

Мне говорят, что я качусь все ниже, А я – хоть и внизу, а все же уровень держу. (Т. 2, с. 39).

На наш взгляд, здесь Высоцкий объединил два фразеологизма: «держат марку» в значении «соблюдать необходимые нормы поведения для

поддержания достоинства и репутации» (ФС, с. 136) и «на уровне», то есть «удовлетворять строгим требованиям» (ФС, с. 498). Поэт взял от каждого фразеологического оборота по одному слову и, объединив их, создал новый.

Еще пример:

Но надежды вдруг

Выпали из рук,

Как цветы запоздалые,

И свою весну –

Первую, одну –

Знать, прозевала я. (Т. 2, с. 13).

Мы усматриваем в ФЕ «выпасть из рук» контаминацию устойчивых сочетаний «валиться из рук» и «выпасть из памяти», ведь, с одной стороны, надежды не могут валиться из рук, так как они не материальны. С другой стороны, цветы не могут выпасть из памяти. Поэтому поэт проводит аналогию между цветами и надеждами и использует оборот «выпасть из рук».

Интересным стилистическим приемом является соединение в одном контексте двух ФЕ. У Высоцкого – это распространенное явление, причем, в одних случаях фразеологизмы не связаны друг с другом значением и общими членами, в других – один фразеологизм поясняет, дополняет другой. Приведем примеры: «*Плыл, куда глаза глядели – по течению*» (Т. 3, с. 187). В этом предложении соединены фразеологизмы «плыть по течению», то есть «действовать по обстоятельствам» (ФС, с. 324) и «куда глаза глядят» – «не выбирая пути» (ФС, с. 326). Один фразеологизм поясняет другой.

Подобные примеры наблюдаем и в творчестве других авторов:

Ну и влипли же мы в переплет под станцией Уманской. От нашего Варнавского полка пух остался. (А. Толстой «Хождение по мукам»). Ср.: «влипнуть в историю» и «попасть в переплет».

Кроме проанализированных способов структурной дефразеологизации, в художественной литературе встречаются и следующие структурные модификации фразеологизмов:

1. Образование по аналогии с общеупотребительными фразеологизмами новых, индивидуально-авторских фразеологизмов

– с использованием структуры общеупотребительных фразеологических оборотов: *Посмотришь вишь – йоркширом йоркшир* (ср.: *дурак дураком*) (В. Маяковский);

– с использованием структуры отдельных элементов общеупотребительных фразеологических оборотов: *Люблю я земщину, но странную любовью* (ср.: *Люблю отчизну я, но странную любовью!*) (М. Салтыков-Щедрин).

2. Употребление фразеологизма в необычной форме. Это преобразования, затрагивающие форму фразеологизма. Например, фразеологизм *кривить душой* (быть неискренним, лицемерить): *Я иду прямым путем, не виляю душой, темного мира не приемлю.* (М. Горький «В людях»).

3. Инверсия компонентов фразеологизма. Лингвисты не пришли к единому мнению относительно инверсии компонентов ФЕ. Так, Н.М. Шанский считает, что порядок слов, составляющих фразеологический оборот, характеризуется устойчивостью и постоянством, тогда как И.В. Дубинский указывает, что стабильность порядка слов не характерна для фразеологизма в целом. Мнение об устойчивости порядка слов вызвано тем, что последние приводятся вне контекста и ситуации. Он также утверждает, что инверсия – это одно из средств выразительности языка, используемое писателем. Под инверсией во ФЕ он понимает нарушение постоянного порядка следования компонентов фразеологизма и появление новых вариантов расстановки компонентов там, где перемещение компонентов возможно.

Он со мной, как с торбой писаной носился. (Выс., т.1, с. 99). Ср.:
носиться как с писаной торбой.

4. Образование новых ФЕ по модели известных. Авторская, окказиональная, трансформация ФЕ может быть настолько кардинальной, что следует говорить не об изменении узуального устойчивого оборота, а об образовании нового по его модели. Например:

Куда ни глянь –

Все голытьба.

Куда ни плюнь –

Полна изба. (Выс., т. 3, с. 48).

В данном контексте использована модель ФЕ «куда ни кинь», то есть «повсюду» (ФС, с. 197). Еще пример:

Стояли рядом –

Просто к борту борт. (Выс., т. 1, с. 188).

Здесь использована модель фразеологизмов «нос к носу», «бок о бок», то есть «рядом».

Итак, анализ индивидуально-авторских трансформаций ФЕ в художественной литературе показал, что авторы широко используют все виды структурных, структурно-семантических преобразований фразеологизмов, начиная формальными грамматическими преобразованиями и заканчивая созданием окказиональных ФЕ по аналогии с узуальными. Из рассмотренных выше случаев стилистически существенными являются все виды трансформаций. Однако наиболее выразительными с точки зрения стилистики и значимыми с точки зрения влияния на семантику оборота является прием замены компонента на слово иного семантического поля. Благодаря этому приему, без пространных описаний и объяснений, заменив лишь один компонент в ФЕ, автор может охарактеризовать ситуацию, внутреннее состояние лирического героя, выразить свое отношение к нему. Писатели и поэты часто прибегают к этому типу замен, вследствие чего язык их произведений отличается особенной выразительностью и яркостью.

Другие виды замен (расширение состава, эллипсис, инверсия) не столько влияют на семантику трансформированного оборота, сколько вносят в него новые смысловые и стилистические оттенки, позволяющие служить ФЕ изобразительно-выразительным средством поэтического языка.

II. 4. Семантические преобразования фразеологизмов

К семантическим преобразованиям относятся такие преобразования на уровне лексического значения, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру фразеологических единиц. К преобразованиям этого типа относятся следующие приёмы:

1. Появление у фразеологизма дополнительного семантического оттенка достигается при использовании фразеологического оборота не как такового, а только его образа или содержания:

Сани здесь – подобной дряни не видал я на веку; стыдно сесть в чужие сани коренному русаку (ср.: не в свои сани не садись) (Вяземский).

Самое последнее выведенное яйцо гораздо дороже и ценнее вкуса, предлагаемого аскетизмом (ср.: выведенного яйца не стоит) (М. Салтыков-Щедрин).

2. Переосмысление фразеологической единицы.

Переосмысление понимается как коренное преобразование смыслового ядра, семантического стержня фразеологической единицы, полное изменение её смыслового содержания. В таких случаях фразеологический оборот наполняется новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности. Например, ФЕ *ни дна, ни покрышки* в значении «пожелание дурного» В.В. Маяковский употребляет с новым значением: *Дохлая рыбка плывет одна. Висят плавнички как подбитые крылышки. Плывёт неделю, и нет ей ни дна, ни покрышки.*

3. Особо группу составляют собственно семантические преобразования, которые основываются на образности фразеологических единиц.

«... Когда сердце занялось пламенем, тут уже ничей разум и никакие слова не помогут» (Н.С. Лесков)

«Сердце занялось (вспыхнуло) пламенем» – все значения этого фразеологизма имеют общую часть, мотивированную семантическими ассоциациями лексических компонентов фразеологической единицы с исходными значениями соответствующих слов, передающие определенные проявления эмоционально-психической деятельности. Но в данном контексте фразеологизм приобретает дополнительный семантический оттенок. – нарушение (потеря) самообладания, душевного равновесия, способности трезво рассуждать.

Среди семантических преобразований преобладают виды, которые базируются образности, на внутренней форме, образной основе фразеологизмов. К ним относятся:

а) Двойная актуализация (двойной семантический план), представляющая собой совмещение фразеологического значения оборота и его обратной основы и внутренней формы. Писатели, обновляя семантику фразеологизмов, нередко восстанавливают первоначальное значение входящих в них слов. Это блестяще отразил А. Гайдар в «Военной тайне»: – *Я бы тоже не шелохнулся, – не уступал Карасиков. – Нет, ты бы шелохнулся! – рассердился Алька. – Почему же вчера на утренней линейке все стоят смирно, а ты ворочался, ворочался...*

Смещённый план значения фразеологизма проявляется при чтении последующего текста: *«...Иван Евсеич пришел к нему и посоветовал полечиться заговором: – Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, – сказал он, – лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы – первый сорт. <...> Теперь только зубами и кормится»* (А.Чехов «Лошадина фамилия»).

Среди видов двойной актуализации выделяются два типа:

1) полное наложение фразеологизма на свободное словосочетание одинакового лексико-грамматического состава, это приводит к образованию двух параллельных планов восприятия или совмещенному видению двух картин, одна из которых создает образное (переносное) значение выражения, а другая восходит его буквальному (первичному) значению. Полная двойная актуализация имеет место в том случае, если контекстная ситуация способствует целостному обыгрыванию значений ФЕ и буквального значения ее прототипа;

2) частичная двойная актуализация характеризуется осуществлением частичного совмещенного видения двух картин при наложении общего компонента фразеологизма и одного из образующих его слов свободного употребления.

Первый тип (употребление фразеологизма как свободного сочетания слов) представлен в отрывке из стихотворения В. Высоцкого «Шторм»:

...Я наблюдаю свысока,

Как волны голову ломают.

И я сочувствую слегка,

Погибшим, – но издалика... (Т. 1, с. 140).

Здесь мы имеем дело с омонимическим сталкиванием свободного сочетания слов и ФЕ, одной из причин которого является происхождение фразеологизма из свободного сочетания слов. Еще пример:

Рвались к месту преступления,

Засучивши рукава. (Т. 3, с. 57).

ФЕ «Засучив рукава» означает «усердно, старательно» Поскольку драться удобнее с засученными, подвернутыми кверху, рукавами, то фразеологизм как бы воспринимается буквально, не теряя своей образности.

Все лежали плашмя,

В снег уткнули носы. (Т. 3, с. 75).

Уткнув нос – это «не отрываясь» (ФС, с. 499) и прикасаясь носом к чему-то. Именно во втором, прямом, значении использовано данное словосочетание.

Наше внимание привлёк следующий пример: «*Махнуть рукой, да рука не подымается*» (Т. 2, с. 182). Он интересен тем, что здесь сталкиваются две ФЕ: «махнуть рукой» и «рука не поднимается». В изолированном виде они обозначают: «махнуть рукой» – «перестать обращать внимание» (ФС, с. 239); «рука не поднимается» – «не хватает решимости» (ФС, с. 395). В стихотворении В. Высоцкого мы видим двойную актуализацию, которая заключается в совмещении свободного и фразеологического значения словосочетаний, что приводит к появлению причинно-следственных связей. Такой эффект стал возможен благодаря наличию в обоих ФЕ слова «рука» и логических связей, объединяющих два высказывания.

При **частичной двойной актуализации** компоненты ФЕ, оставаясь составной частью фразеологизма, посредством своего буквального значения вступают в семантико-синтаксическую связь со словами текстового окружения. Происходит своеобразное скрещивание фразеологического оборота со словами контекста, которое ведёт к частичной потере ФЕ фразеологического значения при сохранении яркой образности.

Проиллюстрируем сказанное примерами из поэзии В. Высоцкого.

Печать поставили на наше поколение,

Лишили разума, и памяти, и глаз. (Т. 2, с. 64).

Здесь наблюдаем скрещивание фразеологизма «лишиться разума» и свободного сочетания слов «лишиться памяти и глаз». Их тесная связь устанавливается за счёт переплетения фразеологизма с контекстом. Это переплетение объясняется наличием общего слова (лишили), однородностью (разум, память и глаза) и перечислительной интонацией. Наличие общих слов у ФЕ и свободного сочетания мы видим также в следующих примерах:

«Завтра мне и машине в одну дуду дудеть» (Т. 1, с. 86);

«Сам не свой и ничей» (Т. 2, с. 26);

Правда спокойно уснула

И распустила слюни во сне. (Т. 2, с. 95).

б) Буквализация значения фразеологической единицы. При буквализации значения на первый план выступает исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой, обратную основу фразеологической единицы, происходит так называемое буквальное прочтение ФЕ.

Прием разрушения образного значения фразеологизма не затрагивает лексико-грамматического состава, его внешняя форма обычно сохраняется, но смысл толкуется по-новому (*Кто вы такой? Я никак не могу вас раскусить! — Не надо меня кусать; Жизнь бьет ключом... и все по голове*).

В авторской речи находим узуальные фразеологизмы в их же индивидуальной обработке. Лесков Н. в романе «Некуда» пишет: *«Его солдатское лицо хранило выражение завистливое, искательное, злое и, так сказать, человеконенавистное; но он мог быть человеком способным всегда «стать на точку вида» и спрятать в карман доверчивого ближнего. Белоярцев был ныне выхолен, как показательный конь на вывод, и держался показно, позволяя любоваться собою со всех сторон. Он сидел, как куколка, не прислоняясь к стене, но выдвигаясь вперед, – образец мужской скромности, своего рода московской изящности и благовоспитанности»*.

Автор использовал известные фразеологизмы: *«хранило выражение»*, *«стать на точку вида»*, *«спрятать ближнего в карман»*, *«выхолен как показательный конь на вывод»*, *«любоваться со всех сторон»*, *«как куколка (куколка)»*, *«образец скромности»* – и употребил их в прямом, буквальном значении.

в) Авторская десемантизация внутренней формы фразеологической единицы. Целый ряд фразеологических единиц русского языка способен обновлять внутреннюю форму в связи с переосмыслением их компонентного состава. Суть авторской этимологии – в сведении непонятной единицы языка к понятной в стремлении осмыслить новые знаки языка через сравнение с внешне схожими, ранее известными. Между компонентами фразеологизма и

сходными или совпадающими по звучанию словами свободного употребления устанавливаются ассоциации на уровне семантики, которые позволяют определить новую внутреннюю форму фразеологической единицы.

Например, фразеологизм в доску (очень сильно напиваться, быть пьяным):

За церковною оградой лязгнуло железо:

Не разыщешь продотряда: в доску перерезан!

(Э. Багрицкий «Дума про Опанаса»).

В произведениях художественной литературы встречаются и случаи совмещения структурной и семантической дефразеологизации.

Структурно-семантические преобразования по принципу народной этимологии можно обнаружить при употреблении пословицы «Не так страшен чёрт, как его малюют» в рассказе Лескова «Зимний день». Этот оборот вложен в уста одной из героинь в отношении ко Льву Толстому и тем, кто является приверженцем его идей: «Ну, к Толстому, знаете молодежь к нему теперь уже совсем охладевает. Я говорила всегда, что это так и будет, и нечего бояться: «не так страшен чёрт, как его малютки». В трансформированный оборот (субституция) включено слово *малютки*, которое употреблено здесь как собирательный образ учения Толстого, всех, кто не принимает укоренившихся застарелых обычаев и предрассудков. «Малютки» для сплетничающих обывательниц – воспитанники «чёрта», проникнутые идеями Толстого. Значение пословицы «Не так страшен чёрт, как его малюют» – то, что представляется страшным, угрожающим, в действительности не так страшно, преодолимо». Замена глагола *малюют* существительным *малютки* вызывает перемещение смыслового центра на слова, обозначающие противопоставленные субъекты действия (чёрт – малютки). Трансформация образного плана пословицы приводит к переосмыслению её актуального значения. Оборот «не так страшен чёрт, как

его малютки» приобретает смысл, «не так опасен наставник, несущий зловерные идеи, как его ученики, последователи».

Таким образом, в произведениях художественной литературы встречаются не только структурные и семантические преобразования фразеологических единиц, но и их контаминация – структурно-семантическая дефразеологизация.

II. 5. Изучение фразеологизмов в школе

Понятие о фразеологизмах как устойчивых единицах языка вводится в начальной школе. Однако с более точным определением учащиеся знакомятся в классах среднего звена. Проанализируем с этой точки зрения учебники по русскому языку.

В 5 классе в учебнике русского языка под редакцией М.М. Разумовской, П.А. Леканта (1999 год) сведений об этом разделе языкознания нет. Эти же авторы не вводят сведения о ФЕ и в 6 классе, и в 8 классе. Лишь в 9 классе предлагается ученикам составить рассказ о лексике русского языка, где нужно осветить пункт о фразеологизмах. В учебнике В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой «Русский язык. 5-9. Теория» (2005 год) только в 5 (в 6-9 классах к этому материалу учащиеся не возвращаются) классе даётся определение этого пласта лексики, отражаются лексико-семантические отношения: объясняется, что фразеологизмы синонимичны одному слову, а также то, что они могут иметь синонимы и антонимы. Например: *Два сапога пара* и *Одного поля ягода* // *Спусти рукава – Засучив рукава*. В учебнике определяется синтаксическая роль фразеологизма как целостного сочетания слов, поясняется, что весь фразеологизм является одним членом предложения; даётся этимология ФЕ *бить баклуши*.

В учебнике русского языка (2003 год) для 6 класса М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской в разделе «Фразеология. Культура речи», кроме определения, имеются сведения о фразеологических словарях, указывается на то, что наиболее употребительные ФЕ можно найти в толковых словарях; стилистические особенности ФЕ, омонимичные отношения со словом. В учебнике один параграф посвящён источникам фразеологии, где обращается внимание на собственно русские и заимствованные ФЕ. Учащимся предлагаются различные упражнения, которые расширяют сведения о фразеологии русского языка. Среди заданий выделим следующие: заменить выделенное слово фразеологизмом, объяснить значение ФЕ, какими членами

предложения являются выделенное слово и фразеологизм; найти устойчивые сочетания слов и свободные.

В учебнике для 8 класса С.Г. Бархударова, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова, Л.А. Чешко (2003 год) в разделе «Повторение» в параграфе «Лексика и фразеология» даётся определение фразеологии, а также предлагается три упражнения, в которых есть задание: Какие ошибки допускаются в употреблении фразеологических оборотов (Например: Тема защиты родной земли красной полосой проходит в наших былинах).

Считаем, что достаточно разнообразные упражнения встречаются и в учебнике русского языка для 9 класса под редакцией В.В. Бабайцевой (1992 год): – выписать примеры фразеологизмов из «Толкового школьного словаря»; – найти фразеологизмы в стихотворении Б. Заходера; – найти недочёты в употреблении ФЕ в отрывке из сочинения. Это задание позволяет ученикам познакомиться с одним из способов трансформации фразеологизмов – буквальным прочтением ФЕ; – подобрать синонимы к фразеологизмам; – определить, какой фразеологизм создаёт впечатление игры слова. На наш взгляд, именно в этом учебнике самые интересные и полезные задания, которые способствуют пополнению словарного запаса, в том числе и фразеологического.

С целью выяснения усвоения фразеологического материала в школе мы провели ассоциативный эксперимент. В нём участвовали учащиеся 4-8 классов по 10 человек в каждой группе. Учащимся предлагалось 5 узуальных ФЕ, в которых нужно восстановить пропущенные компоненты или продолжить устойчивое сочетание. ФЕ *как рыба* можно продолжить по-разному: в *воде/об лёд*. Только учащиеся 7 и 8 классов (5 человек) дали по 2 варианта ответа.

Результаты эксперимента отразим в таблице.

Таблица 1.

Результаты ассоциативного эксперимента.

Класс ФЕ	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс	8 класс
как ...наплакал	кот – 7 крокодил – 1 нет ответа – 2	кот – 8 нет ответа – 2	кот – 8 нет ответа – 2	кот – 10	кот – 10
как белка ...	в колесе – 4 прыгает – 2 грызёт орешки – 1 нет ответа – 3	в колесе – 6 носится – 1 нет ответа – 3	в колесе – 8 нет ответа – 2	в колесе – 9 нет ответа – 1	в колесе – 10
грызть ... науки	книгу – 1 камень – 2 нет ответа – 7	гранит – 5 мрамор – 1 нет ответа – 4	гранит – 5 нет ответа – 5	гранит – 10	гранит – 9 нет ответа – 1
семи пятей...	во лбу – 1 на дорогах – 1 на земле – 1 нет ответа – 7	во лбу – 4 нет ответа – 6	во лбу – 9 нет ответа – 1	во лбу – 9 нет ответа – 1	во лбу – 9 ума – 1
как рыба ...	в воде – 2 плавает – 3 дышит – 1	в воде – 7 плавает – 3	в воде – 9 нет ответа	в воде – 10 об лёд – 2	в воде – 10 об лёд – 3

	нет ответа		- 1		
	- 4				

Результаты эксперимента показали, что младшие школьники менее осведомлены в области фразеологии, чем старшие. Это подтверждает тот факт, что вводить фразеологизмы надо в классах среднего звена, когда учащиеся понимают значение устойчивого сочетания, осознают процесс метафорического переноса. Эксперимент также показал случаи окказиональной трансформации ФЕ из-за незнания узуального варианта.

Наблюдения показали, что трансформация характерна для разговорной речи. Чаще всего модифицированные фразеологизмы являются следствием незнания узуальной фразеологической единицы. Это приводит к структурным изменениям: – *Что ты мне палки в колеса подставляешь* У названного устойчивого сочетания и другой способ изменения структуры: вместо узуального глагола *вставлять* автор речи использует стилистически сниженное слово *втыкивать*: – *Что ни делаю, всегда втыкивают соседи палки в колёса*.

Обыгрывается ФЕ при помощи буквального прочтения её значения: – *Чтобы быть мастером своего дела, надо собаку съесть И не одну*

В разговорной речи наблюдаются реминисцентные высказывания, или высказывания-аллюзии: – *На вкус и цвет все фломастеры разные*. Здесь наблюдается языковая игра.

Итак, и результаты эксперимента, и наблюдения над разговорной спонтанной речью показали, что дефразеологизация в таких ситуациях чаще появляется вследствие незнания узуального устойчивого сочетания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская фразеология является важным, сложным образом организованным разделом языкознания, она до настоящего времени остается недостаточно изученной, хотя внимание к проблемам фразеологии не ослабевает. Особенно актуальной является проблема изучения фразеологии в художественном тексте, поскольку именно в этом тексте фразеологические обороты презентуют свои выразительные возможности, семантическое многообразие и реализуют художественные функции.

Комплексный анализ ФЕ в произведениях художественной литературы, важными частями которого являются семантико-стилистический и сравнительно-сопоставительный анализ – это наиболее эффективный способ постижения своеобразия творческого метода писателей, их индивидуальности. Фразеологизмы в художественной литературе – это не просто факты языка, они несут большой идейно-содержательный заряд. Органично вплетаясь в ткань литературного произведения, ФЕ выступает очень важной составляющей поэтического языка, помогающей реализовать авторский замысел, понять текст, раскрытые в нем авторские идеи, отношение автора к изображаемой им действительности.

Анализ фразеологии в произведениях художественной литературы позволяет утверждать, что фразеологический состав текстов произведений исключительно богат и разнообразен как в семантико-стилистическом, так и в лексико-грамматическом отношениях. Фразеология представлена глагольными, именными, адвербиальными, адъективными и междометными ФЕ. Речь поэтическая характеризуется обилием глагольных ФЕ, целью которых является описание динамики действий или состояний.

С точки зрения функционально-стилистической характеристики, фразеология художественного текста широко представлена разговорно-бытовыми и нейтральными ФЕ, однако встречаются и книжные устойчивые

обороты. ФЕ разговорного характера представляют собой самый значительный по численности стилистической пласт.

Своеобразие окказионального использования фразеологизмов как одного из важнейших средств художественной изобразительности, заключается уже в самом отборе ФЕ из узуального фразеологического фонда, в степени их модификации, а также в индивидуально-авторском вводе ФЕ в контекст. Именно в обновлении лексического наполнения и семантики оборота проявляется авторское новаторство, реализуется замысел и потенциальные возможности ФЕ. Трансформация, являясь неисчерпаемым источником художественной изобразительности, представляет собой живое явление, возникающее не только в художественном тексте, но и в повседневном общении людей, что роднит прозу и поэзию с народным творчеством. Преобразование фразеологических оборотов связано с реализацией авторского замысла.

В исследовании мы выяснили, что авторы прибегают к различным способам трансформаций. К ним относятся: замена компонента, расширение или сокращение состава ФЕ, двойная актуализация, контаминация, изменение семантики оборота или грамматической структуры, создание ФЕ по известным моделям. Наибольший стилистический интерес с точки зрения выразительности и семантического переосмысления оборота является прием замены компонента на слово иного семантического поля. Благодаря этому приему, без пространных описаний и объяснений, заменив лишь один компонент в ФЕ, автор может индивидуализировать персонаж, ситуацию, внутреннее состояние героя, выразить свое отношение к нему. Авторы художественных произведений часто прибегают к этому типу замен, вследствие чего язык их творений отличается особенной выразительностью и яркостью.

К излюбленным приемам трансформации ФЕ в художественном тексте мы также относим прием образования ФЕ по общепринятым моделям, что исключает повторы общеизвестных фразеологических оборотов. Подобные

устойчивые сочетания отличаются особенной выразительностью, так как характеризуются нестандартностью и новизной. Очень часто автор не ограничивается одним видом трансформации, и тогда появляются незабываемые образы. Это своеобразные «украшения» поэтического языка многих авторов.

В результате исследования фразеологического материала поэзии В.С. Высоцкого удалось выявить специфику употребления фразеологизмов, используемых поэтом как одного из художественно-изобразительных средств. Анализ показал, что поэт использует ФЕ с целью конкретизации, мыслей, характеристики лирического героя, выражения авторской точки зрения, создания иллюзии разговорности, живости языка, как одного из средств иронии, о чем свидетельствуют реализуемые фразеологизмами художественные функции.

В прозаических текстах также распространены такие виды трансформации, как народноэтимологическое переоформление фразеологической единицы, субституция, расширение лексического состава, аллюзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамович, И.М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря / И.М. Абрамович // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 213-218.
2. Абреимова, Г.Н. Явление дефразеологизации в русском языке // Сборник научных статей и материалов по русскому языкознанию и методике преподавания русского языка. / Г.Н. Абреимова . – Елец, 1999. – С.120-122.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 187 с.
4. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. – Ростов, 1974. – 314 с.
5. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
6. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия / Сост. Л.А. Ивашко. – СПб., 2002.– С. 336-346.
7. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
8. Бакина, М.А. Общезыковая фразеология в русской поэзии второй половины XIX в. /М.А. Бакина. – М.: Наука, 1991. – 427 с.
9. Баранник, Л.Ф. Стилистическое использование фразеологических оборотов в произведениях А.П. Гайдара / Л.Ф. Баранник // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1978. – С. 112-121.
10. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб., 1999. – 704 с.

11. Болдырева, Л.М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: Автореф. дис... канд. филол. наук / Л.М. Болдырева. – М., 1967. – 26 с.
12. Вакуров, В.Н. Фразеологический каламбур современной публицистике / В.Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 40 - 47.
13. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М., 1971. – 237 с.
14. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М: Наука, 1980. – 360 с.
15. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия / Сост. Л.А. Ивашко. – СПб., 2002. – С. 326-335.
16. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т.Г. Винокур. – М., 1980. – 237 с.
17. Высоцкий, В.С. Собр. соч. : В 4 т. / В.С. Высоцкий. – СПб., 1993.
18. Голуб, И.Б. Фразеологическая стилистика // Стилистика современного русского языка. / И.Б. Голуб. – М., 2004. – С. 113-130.
19. Диброва, Е.И. О грамматических преобразованиях фразеологических единиц-словоформ / Е.И. Диброва // Очерки по лексике и фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1976. – С. 16-33.
20. Добрыдеева, Е.А. Фразеологические новообразования в современном русском литературном языке / Е.А. Добрыдеева. – М., 1993. – 326 с.
21. Дубинский, И.В. О смысловых изменениях фразеологических единиц в контексте / И.В. Дубинский // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962. – Вып. 5. – С. 65-72.
22. Елкина, М.А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц современной поэзии / М.А. Елкина // Русский язык в школе. – 1980. – № 3. – С 67-72.

23. Ефимов, А.И. Стилистика художественной речи / А.И. Ефимов. – М, 1961. – 516с.
24. Жуков, В.Л. Русская фразеология / В.Л. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986.– 312 с.
25. Жуков, В.Л. Семантика фразеологических оборотов / В.Л. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
26. Жуков, В.Л. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов / В.Л. Жуков // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия / Сост. Л.А. Ивашко. – СПб., 2002. – С. 365-370.
27. Жуков, В.Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.Л. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров. – М, 1987. – 441 с.
28. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М., 1977. – 223 с.
29. Копыленко, М.Н., Попова, З.Д. Очерки по общей фразеологии /М.Н. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – 144 с.
30. Кочетков, А.К. Трансформация фразеологических сочетаний / А.К. Кочетков // Русский язык в школе – 1973. – №7. – С. 92- 94.
31. Лавринович, Т. Языковая игра Высоцкого / Т. Лавринович // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. III. Т. 2 – М., 1999. – С. 172 - 181.
32. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии / Б.А. Ларин // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия / Сост. Л.А. Ивашко. – СПб., 2002. – С. 370-381.
33. Литвинникова, О.И. Фразеология в литературно-художественном стиле В.С. Высоцкого / О.И. Литвинникова // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. – М., 1999. – Вып. III. – Т. 2. – С. 199-208.

34. Ломов А. Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя (на материале драматических произведений А. Н. Островского) / А.Г. Ломов. – Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Орел, 1998.
35. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М: Искусство, 1970. – 384 с.
36. Маркитанов, Ю.А. Функционирование фразеологизмов в русской поэтической речи советского времени (60-е начало 50-х г.г. XX в.) / Ю.А. Маркитанов. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 183 с.
37. Межерина, С. А. Взаимодействие фразеологического оборота и контекста в художественной речи / С.А. Межерина // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 75-79.
38. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. 258 с.
39. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 280 с.
40. Молотков, А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А.И. Молотков // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия / Сост. Л.А. Ивашко. – СПб., 2002. – С. 346-364.
41. Мордвилко, А.П. Очерки по русской фразеологии / А.П. Мордвилко. – М.: Просвещение, 1974. – 130 с.
42. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987.
43. Наумов, Э.Б. Способы трансформации фразеологизмов / Э.Б. Наумов // Русский язык в школе. – 1971. – №3. – С. 71-75.
44. Николенко, Л.В. Лексикология и фразеология современного русского языка / Л.В. Николенко. – М., 2005. – 143 с.
45. Ожегов, СИ. Словарь русского языка / СИ. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 924 с.

46. Поляков М.Л. Вопросы поэтики и художественной семантики / М.Л. Поляков. – М: Сов. лит., 1986. – 478 с.
47. Прокофьева, А.В. О сюжетно-композиционных функциях фразеологических единиц / А.В.Прокофьева // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. – М., 1999. – Вып. III. – Т. 2. – С. 208-216.
48. Русский язык: Энциклопедия. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 703 с.
49. Сальников, О.Т. Приемы преобразования фразеологизмов в произведениях А.Н. Толстого / О.Т. Сальников, С.Г. Шулежкова // Русский язык в школе. – 1975. – № 1. – С. 57- 62.
50. Семенова, Т. Н. К вопросу о явлении семантического сжатия во фразеологии / Т.Н. Семенова // Вопросы семантики фразеологических единиц: Тезисы докл. и сообщ. Ч. 1. – Новгород, 1971. – 227 с.
51. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.
52. Современный русский язык : Теория. Анализ языковых единиц : В 2 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 2001. – Ч. 1 : Фразеология. – С. 358-426.
53. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 253 с.
54. Тер-Минасова, СТ. Деформация фразеологических единиц как лингвистическое средство / СТ. Тер-Минасова // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Филология. – 1968. – №5. – С 28-35.
55. Ушаков, В.Д. Некоторые замечания об экспрессивности идиоматических единиц / В.Д. Ушаков // Проблемы семантики. – М., 1974.– С. 317-322.
56. Фокина, М.А. Роль фразеологии в организации идиостиля А.М. Ремизова: Автореф. дис... канд. филол. наук / М.А. Фокина. – М., 1987.

57. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология./ М.И. Фомина. – М.: Высшая школа, 2003. – 415с.
58. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1997. – 543 с.
59. Харченко, В.К. Разграничения оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова / В.К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66 -71.
60. Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1983. – 234 с.
61. Шадрин, Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов / Н.Л. Шадрин // Лингвистические исследования. – М, 1973. – С. 78 - 97.
62. Шанский, Н.М. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. – 1957, – №3. – С. 13-22.
63. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 143 с.
64. Шанский, Н.М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М. Шанский, В.И.Зимин, А.В. Филлипов. – М.: Русский язык, 1987. – 238 с.
65. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 682 с.
66. Яранцев, Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р.И. Яранцев. – М.: Русский язык, 1985. – 304 с.